

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

ЛЮБОПЫТСТВО
НАКАЗУЕМО

Лиззи Мартин и Бен Росс

Энн Грэнджер

Любопытство наказуемо

«Центрполиграф»

2008

Грэнджер Э.

Любопытство наказуемо / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
2008 — (Лиззи Мартин и Бен Росс)

Лиззи Мартин, самостоятельная и легкая на подъем молодая женщина, не колеблясь принимает приглашение отправиться в незнакомый Гемпшир, в особняк «Прибрежный», в качестве компаньонки Люси Крейвен, которая находится в тяжелой депрессии после смерти малютки дочери. Бен Росс, инспектор Скотленд-Ярда и хороший знакомый Лиззи, отговаривает ее от поездки. Он уверен, что от нее многое скрывают. Однако своенравная Лиззи настояла на своем и, как предчувствовал Бен, оказалась в самом центре настоящей драмы, прелюдией к которой стало убийство бродячего крысолова...

© Грэнджер Э., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Энн Грэнджер

Любопытство наказуемо

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© 2008 by Ann Granger

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Спасибо всем, кто помогал мне в подготовке книги. Я очень признательна Алану Шоттеру за подробное описание старого саутгемптонского вокзала; Грэму Парксу за сведения о швартовке парома в Хайте (Хантс) до того, как там построили причал; и, как всегда, моей «сестре по перу» Анджеле Арни, которая возила меня по национальному парку Нью-Форест и щедро дарила свое гостеприимство.

Я очень благодарна и всем тем, кто регулярно поддерживает меня в моих трудах: редактору Клер Фосс, агенту Кэрол Блейк и, самое главное, моему мужу Джону.

Часть первая

Глава 1

Элизабет Мартин

Напротив меня в купе первого класса сидел господин в новеньком черном цилиндре, укутанном до самых полей в большой белый шелковый платок. Складки платка грациозно шевелились от сквозняка, и казалось, что исполненная достоинства фигура его владельца вот-вот взмоет в воздух и зависнет над нашими головами, на уровне багажных полок.

Представив себе эту картину, я едва не улыбнулась, но заставила себя сдержаться. Во всех остальных отношениях мой попутчик выглядел безупречно, даже утонченно. В его рыжевато-каштановых усах и роскошных бакенбардах, обрамлявших лицо и сливавшихся на подбородке с изящно раздвоенной бородкой, мелькали седые пряди. Стариком он не был – я бы определила его возраст лет в сорок пять – сорок шесть. Его худощавую фигуру облегал черный сюртук, из-под которого виднелась ослепительно-белая рубашка. Руки покоились на резном набалдашнике слоновой кости, венчавшем длинную ротанговую трость. Я не могла не заметить также первоклассные замшевые перчатки, обшитые галуном. И хотя пышные юбки мешали мне наклониться и рассмотреть обувь моего попутчика, я не сомневалась в том, что и его туфли также безупречны. Цилиндр наверняка стоил дорого. Наверное, элегантный господин боялся, как бы случайная искра от паровоза, прибывающего на вокзал Ватерлоо или покидающего платформу, не прожгла в его цилиндре дыру. Поэтому он благоразумно защитил свой головной убор шелковым платком, а потом либо позабыл снять его, либо по-прежнему боялся случайной искры, хотя окно в нашем купе было застеклено и плотно закрыто.

«Ну же, Лиззи! Хватит!» – укорила я себя, сообразив, что поведение мое неприлично – так откровенно разглядывать соседа! Понадеявшись, что он ничего не заметил, я стала смотреть в окно. Наш поезд покинул вокзал Ватерлоо – конечную станцию Юго-Западной железной дороги. Мы двигались с довольно большой скоростью. За окном мелькали унылые, закопченные сажей здания.

В моих жилах бурлил дух авантюризма, к которому примешивалась совсем малая толика беспокойства. Никогда в жизни я не бывала на южном побережье Англии, да и в Лондон впервые приехала со всеми своими скромными пожитками лишь в начале года. И вот снова еду на новое место! Неприятные и непредвиденные события сократили мое пребывание в столице. Как оказалось, те же события породили и новые надежды. Судя по тому, что мне сообщили о тех краях, куда я направлялась, с таким же успехом я могла бы поехать и в самые глухие районы Африки. Во всяком случае, я представляла себе новые места не менее экзотическими.

Поезд с грохотом проехал Клапам и достиг окраины Лондона. Кирпичных домов стало заметно меньше; в основном они стояли рядами, объединенные общей стеной. К железнодорожной насыпи спускались заботливо ухоженные задние дворики; из окна поезда можно было мельком заметить признаки скромного домашнего уюта. На веревках сушилось белье; в траве валялись забытые детские игрушки. Судя по деревьям и лужайкам, мы выехали за пределы промышленного Лондона. Улицы, запруженные народом, дым, грязь и нескончаемый шум остались позади.

Я покидала столицу не без сожаления и особенно часто думала об одном ее обитателе...

– Когда ваш молодой человек, наконец, предложит вам руку и сердце? – спросила как-то тетя Парри за обильной дневной трапезой, которую она называла дневным перекусом.

Обычно я за словом в карман не лезу, но тетушкин вопрос, заданный как бы между прочим, застал меня врасплох. На меня тетя Парри и не взглянула. Она смотрела в свою тарелку, всецело сосредоточившись на еде – одном из самых любимых своих занятий. Я наблюдала за тем, как она подносит ложку ко рту, как открывает пухлые губы. Из-за этих губок, курносого носа и розовых пухлых щечек она напоминала пожилого херувима. Сходство усиливали рыжеватые кудряшки, которые выбивались из-под ее кружевного чепца. Когда я в первый раз увидела ее неестественно-рыжие волосы, то еще подумала, что тетушка красит их хной. Не сразу и очень нехотя я задумалась над тем, как ей лучше ответить.

Последние три месяца за мной официально «ухаживает» Бен Росс. Правда, видимся мы с ним нечасто. Откровенно говоря, у меня есть соперница, которую зовут «служба в полиции». Начав встречаться с Беном Россом, я очень быстро поняла, что представители криминального мира выходных не берут. В любое время дня и ночи грабители освобождают граждан от ценных вещей, мошенники завлекают простаков, а по мрачным трущобам рыщут убийцы, самые безжалостные из хищников, и незаметно проникают в жилища тех, кто побогаче. Преступников совершенно не заботит личная жизнь стражей порядка, точнее, ее почти полное отсутствие.

Итак, наши с Беном замыслы постоянно расстраивались, чаще всего по инициативе суперинтендента Данна, его начальника. Сам по себе суперинтендент произвел на меня вполне приятное впечатление; мне нравилась его грубоватая сердечность и проницательность. Однако он явно рассчитывал, что подчиненные будут являться по первому его зову, ставя службу на первое место и днем и ночью. Так я и сказала Бену во время одной из наших с ним стычек.

Что же мне было ответить тете Парри? Можно было отделаться заявлением, что он просто не решается сделать мне предложение, так как действительно ничего конкретного я от него до сих пор не услышала! Более того, если, став его женой, я буду видеть его так же редко, как сейчас, когда он за мной ухаживает, я вовсе не уверена, что хочу выйти замуж за инспектора столичной полиции из дивизиона уголовного розыска.

Мое смятение усугубилось запиской, которую утром доставил какой-то уличный мальчишка; вручая ее, мальчишка глумливо ухмылялся. Бен просил у меня прощения за то, что не сможет пойти со мной на концерт в Гайд-парке, куда мы собирались вечером. Приглашая меня на концерт, Бен пылко заверял меня в том, что он непременно добьется выходного, так как последнее время он много и весьма успешно работал. И вот оказалось, что нашим надеждам снова не суждено сбыться. Я понимала, что Бен так же огорчен, как и я. И все же сути дела это не меняло. В записке же, которую Бен, как я знала, тщательно обдумал, меня больше всего разозлили слова о том, что я «непременно его пойму».

О да, я прекрасно его поняла. Суперинтенденту Данну потребовались услуги Бена, и он махнул рукой на концерт и помчался расследовать очередное отвратительное преступление.

Вот почему я ответила на вопрос тети Парри довольно резко:

– Понятия не имею!

Изумленная тетка тряхнула головой.

– Элизабет, дорогая моя, я за вас отвечаю! – воскликнула она, словно пыталась оправдать свое любопытство.

Наверное, ей показалось, что я злюсь из-за того, что она вмешивается в мои сугубо личные дела. Вопрос о намерениях Бена меня несколько не разозлил, но слышать, что она якобы за меня «отвечает», в самом деле было неприятно.

Меня так и подмывало сказать, что она вовсе не отвечает за меня. Миссис Парри мне не кровная родственница; она всего лишь вдова моего покойного крестного, пригласившая меня к себе компаньонкой. До смерти отца я сама вела наше хозяйство. Сколько себя помнила, я всегда сама за себя отвечала. Но дерзить миссис Парри было бы не только опрометчиво, но

и неблагодарно с моей стороны. Она относилась ко мне по-своему хорошо. Никто из нас не виноват в том, что мы с ней не сошлись характерами.

В детстве, когда мне бывало плохо или трудно, я убегала на чердак нашего старого дома и пряталась там, чтобы все тщательно обдумать. Теперь я не могла так поступить. Больше всего мне требовалось уехать, побыть одной и какое-то время без помех поразмышлять о своем затруднительном положении. Но из-за суперинтендента Данна пришлось слушать нескончаемую болтовню тети Парри и играть в вист с ней и ее друзьями.

– Дорогая тетя Парри, – сказала я, – я очень благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Я знаю, вас беспокоит мое будущее. Очень не хочется покидать вас, ведь вы по доброте душевной приютили меня у себя, но... по-моему, мне лучше на некоторое время уехать из Лондона.

– Может быть, в Гемпшир? – вдруг спросила тетя Парри.

Я ахнула, но быстро взяла себя в руки:

– В Гемпшире я никогда не бывала; жила лишь в своем родном городке и здесь, в Лондоне.

– Вам там понравится, – уверенно объявила тетя Парри. – Особенно местность, которая называется Нью-Форест. Там очень красиво; к тому же это на побережье. Морской воздух пойдет вам на пользу.

Неужели она предлагает мне отдохнуть на море? Я не верила собственным ушам. Мои сомнения оказались не напрасными. Как выяснилось, мне предлагали вовсе не отпуск.

Тетка отодвинула блюдо с крыжовенным муссом – ее жест дал мне понять, насколько она серьезна.

– Недавно я беседовала со своим старым знакомым, мистером Чарлзом Роучем. Когда-то мистер Роуч вел дела с моим бедным Джосаей; он торговал шелком. Последние несколько лет он расширяет семейное предприятие; занялся ввозом китайского чая. Насколько я понимаю, ему принадлежат два быстроходных чайных клипера. Только представьте, из Кантона в Лондон они доходят всего за девять недель! – Тетя Парри разгладила рукав короткими толстыми пальцами. – Чарлз такой умный! Как замечательно он придумал дополнить шелк высококачественным чаем. Против этих двух товаров не может устоять ни одна дама! – Она с трудом заставила себя оторваться от интересной темы и чуть суше продолжала: – Недавно я узнала, что у него... так сказать, семейные неприятности. И я подумала, что вы можете ему помочь.

– Чем же? – спросила я, заинтригованная ее словами.

Тетя Парри просияла. Она решила, что я заранее согласна и уговаривать меня не придется.

– Видите ли, дорогая моя, у мистера Роуча есть молодая замужняя племянница, миссис Крейвен. Зовут ее Люси. Не так давно миссис Крейвен произвела на свет ребенка, дочку. К сожалению, девочка умерла, прожив всего два дня.

– Прискорбно слышать, – искренне посочувствовала я.

– С тех пор настроение у миссис Крейвен крайне подавленное, – продолжала тетя Парри, – тем более что ее муж... – Она снова погрузилась в неловкое молчание.

– Мистер Крейвен? – подсказала я.

Тетя Парри не была душой. Она поморщилась и резко ответила:

– Вот именно. Так вот, ее муж, мистер Крейвен, сейчас уехал по делам за границу. Он и его молодая жена доводятся друг другу родней – троюродные или четвероюродные, кажется. Как я поняла, мистеру Роучу хочется, чтобы мистер Крейвен впоследствии руководил филиалом фирмы. Поэтому он послал его в Китай изучить чаеоторговое дело.

– Конечно, дело есть дело, – заметила я. – Но, по-моему, не очень хорошо отсылать молодого мужа в то время, как его жена еще не пришла в себя после родов; к тому же оба они оплакивают малютку.

– Кажется, Крейвен отплыл в Китай еще до того, как ребенок родился, – ответила тетя Парри и предостерегающе подняла руку. – Элизабет, давайте не будем отвлекаться. Вот как сейчас у них обстоят дела. Молодая миссис Крейвен поселилась в Гемпшире, в доме сестер мистера Роуча, двух старых дев. Судя по всему, дом расположен в очень красивом месте; из него виден пролив Солент. На том берегу – остров Уайт, где наша дорогая королева построила себе очаровательный дворец, Осборн-Хаус.

Тетя Парри помолчала и вздохнула. Я решила, что так она выражает сочувствие ее величеству в ее вдовстве. Но я ошибалась; плохо я, оказывается, знала тетю Парри.

– Элизабет, я часто говаривала вашему крестному: «Мистер Парри, нам следует купить загородный дом!» Он так его и не купил. Всегда отвечал: «Дорогая моя, мне нравится здесь, в Мэрилебон, и никакой сельской местности мне не нужно». Ему не хотелось уезжать далеко от своей конторы... Однако я говорила о «Прибрежном», доме в Нью-Форест, где живут сестры мистера Роуча. Хотя «Прибрежный» расположен в весьма красивом месте, там в самом деле тихо; молодежи там нет. Сестры мистера Роуча уже в возрасте и любят уединение. Повторяю, настроение у миссис Крейвен весьма подавленное. Чарлз Роуч считает, что общество молодой компаньонки подбодрит его племянницу. Кроме того, компаньонка отчасти освободит его сестер от забот о миссис Крейвен. Мистер Роуч хочет, чтобы компаньонка была не слишком молода и легкомысленна. Ему нужна особа зрелая, однако значительно моложе его сестер. Я сразу же подумала о вас.

– Тридцать лет мне исполнится только в конце года! – возразила я.

Тетя Парри только отмахнулась от моего пустячного возражения.

– Элизабет, вы – дочь врача, и мне кажется, что вы – та самая особа, которая сумеет на некоторое время стать компаньонкой миссис Крейвен, пока она не поправится. Речь идет всего о нескольких месяцах. После этого можете вернуться в Лондон, сюда, или, возможно, в другое место.

Мне сразу стало ясно, какой из двух вариантов предпочитает сама тетя Парри.

– Пока вас не будет, я поищу вам другое место, – добавила она, подтверждая мои подозрения. – Только не подумайте, милая Элизабет, будто я мечтаю поскорее от вас избавиться.

Вот так правила приличия вынуждают нас лгать. Мне очень хотелось поскорее уехать из дома миссис Парри; она, в свою очередь, не могла дожидаться, когда избавится от меня. Я ответила, что вполне с ней согласна, решив: пусть понимает мои слова как хочет.

Затем я замолчала, обдумывая свое положение, а тетя Парри занялась крыжовенным муссом. Сбросив тяжесть с плеч, она явно испытала облегчение.

Хотя об отсутствующем мистере Крейвене тетка говорила как-то туманно, что наводило на подозрения, в ее предложении имелись и свои хорошие стороны. Мой покойный отец лечил многих женщин, у которых после родов было подавленное настроение. Хотя у меня самой детей нет, я знаю, что такое явление вполне обычно, даже если на свет рождается здоровенький младенец, который целыми днями истошно вопит. Бедняжка Люси Крейвен похоронила свою новорожденную дочку. Поддержав ее, я сделаю благое дело, а короткое пребывание в Гемпшире даст мне время для того, чтобы подумать о собственном будущем.

Итак, меня все устраивало, кроме одного: возможной реакции Бена Росса на мой отъезд. Впрочем, я решила не признаваться в последнем тете Парри. Кроме того, я решила ничего не говорить Бену до того, как познакомлюсь с мистером Роучем. В конце концов, из его замысла, может быть, еще ничего не выйдет.

– Для начала я должна встретиться с мистером Чарлзом Роучем и все обсудить, – сказала я.

– Конечно, дорогая моя. Так и думала, что вы это скажете. В понедельник, в одиннадцать тридцать утра, мистер Роуч будет ждать вас у себя дома, в Челси. – Тетя похлопала по подбо-

родку салфеткой и взяла со стола медный колокольчик. – Я бы не отказалась от сыра. А вы, Элизабет?

Чарлз Роуч произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Дом в Челси, расположенный в изящном ряду таких же домов, был со вкусом обставлен дорогой мебелью. Дворецкому, впустившему меня, на вид можно было дать лет шестьдесят с лишним; его хозяйину я дала бы столько же. Чарлз Роуч оказался высоким и ширококостным, правда, немного сутулым. В молодости его рост, наверное, составлял более шести футов. Судя по всему, он был джентльменом «старой школы». Со мной он держался очень вежливо и предупредительно. Мы обговорили условия. Он предложил мне столько же, сколько я получала у тети Парри. Живя за городом, я не буду нести тех же расходов, что в Лондоне. По словам мистера Роуча, сестры его жили уединенно не только из-за теперешнего положения, но и потому, что сами предпочитали тихую жизнь. Гостей они не принимали и с визитами к соседям не ездили. Мне почти не придется тратиться. Мистер Роуч обещал прислать мне железнодорожный билет первого класса до Саутгемптона (поистине роскошь!). Мисс Кристина Роуч, старшая из сестер, напишет мне до отъезда и даст указания относительно того, как к ним добираться.

Забота мистера Роуча о молодой племяннице показалась мне такой неподдельной, и он так откровенно выражал беспокойство за сестер, которым пришлось справляться с трудностями, что я неожиданно для себя сразу согласилась.

Тетя Парри очень обрадовалась. Оставалось одно: сообщить новость Бену Россу.

– Лиззи, ты что, с ума сошла? Какие еще мисс Роуч из «Прибрежного»? – выпалил Бен после того, как я, вполне рассудительно и мягко, рассказала ему о своих намерениях.

– Нет, Бен, я не сошла с ума. Прежде чем принять предложение, я хорошенько все обдумала, – с достоинством ответила я.

Не спорю, иногда меня так и тянет на какое-нибудь безрассудство, да и особой сдержанностью я не отличаюсь: язык мой часто опережает мысли. Но я всегда была в состоянии принимать самостоятельные решения.

Бен стоял передо мной со шляпой в руке. Он покраснел и взъерошил рукой копну своих черных волос. Он явно злился на меня. Мы стояли в комнате, которую в доме тети Парри отвели под библиотеку. В библиотеке хранились книги, но все скучные; к ним никто никогда не прикасался.

– Джосая купил их на аукционе, – как-то призналась тетя Парри. – Оптом, задешево.

– Лиззи, ты что? – Бен ткнул в меня пальцем, но понял, насколько груб его жест, и смутился. – Послушай, – продолжал он, с усилием беря себя в руки, – я еще не встречал более разумной особы, чем ты. Насколько мне известно, у тебя есть голова на плечах. И вот ты срываешься с места и едешь в Гемпшир, где никогда в жизни не бывала, и собираешься стать компаньонкой молодой дамы, о существовании которой услышала всего неделю назад! – Он так разволновался, что в его речи более явственно проступил родной дербиширский выговор. – Все, о чем ты рассказала, кажется мне подозрительным. Только не говори, что я полицейский и потому вечно подозреваю дурное. Ну да, если хочешь, я в самом деле полицейский и в самом деле подозрителен по натуре, но не без оснований! Лиззи, в предложении, которое тебе сделали, мне видится что-то решительно странное. Там что-то не так, помани мои слова! – Он театрально взмахнул шляпой в сторону портрета крестного Джосаи над камином.

– Бен, – громко и решительно сказала я, так как иным способом невозможно было перебить его тираду, – позволь мне объясниться!

– Пожалуйста.

– Только, прошу, не перебивай. Когда я закончу, то охотно выслушаю все, что ты собираешься мне сказать.

В ответ он лишь фыркнул.

– Во-первых, я продолжаю жить в доме тети Парри только потому, что я ее компаньонка. И мне, и ей неловко жить под одной крышей. Ты, наверное, понимаешь, в чем дело. Пока я здесь, миссис Парри не может забыть убийство моей предшественницы, которое расследовал ты. И я тоже не могу его забыть. – Я глубоко вздохнула. – Джосая Парри был моим крестным, и его вдова не может прямо выставить меня за дверь. Но ей не терпится подыскать мне другое место. Я прекрасно ее понимаю. На Роучей ей наплевать, как и на молодую миссис Крейвен. Просто ей очень хочется, чтобы я уехала. Мне остается лишь согласиться на то место, которое она с таким трудом для меня раздобыла.

В ответ Бен громко хмыкнул.

– Речь идет всего о полугоде, до тех пор, пока миссис Крейвен не поправится или мистер Крейвен не вернется из Китая.

– Если он существует! – отрезал Бен.

– Такая мысль приходила мне в голову, – призналась я. – Но после того, как я побеседовала с мистером Роучем, мои сомнения улеглись. Мистер Роуч – вполне уважаемый пожилой джентльмен. По его словам, он рассчитывает на то, что в свое время молодой Крейвен возглавит чаеоторговое отделение его фирмы. Вот почему его послали за границу; он должен изучить все тонкости производства и перевозки чая. Сейчас он в Китае...

– Ну да, конечно! – последовал холодный ответ. – А почему не на Луне?

– Ты ведешь себя недостойно.

Бен упрямо выпятил подбородок.

– Послушай, Лиззи. Я знаю, ты обижена, потому что у меня вечно не хватает на тебя времени, и все же, надеюсь, ты бежишь в Гемпшир не для того, чтобы отомстить мне за... мое пренебрежение. Я первый готов признать, что я виноват, и понимаю, что...

– Я не бегу в Гемпшир, во всяком случае, не еду туда немедленно! – перебила его я. – Бен, пожалуйста, не думай так. Ну да, мне в самом деле досадно, что суперинтендент Данн постоянно требует тебя к себе. Разумеется, я понимаю, что ты ни в чем не виноват, но какое бы будущее нас ни ждало, в нем непременно будет присутствовать суперинтендент Данн. – Мне удалось криво улыбнуться. – Мой отец был семейным врачом и всегда знал, что его в любой момент могут вызвать к больному. Так что я прекрасно тебя понимаю.

Наступило молчание. Бен сел в кресло рядом с моим. Лицо у него покраснело.

– Лиззи, – откашлявшись, начал он, – ты должна знать, что мои надежды...

Серьезность его лица и испарина на лбу вызвали у меня неподдельный страх, и я выпалила:

– Бен, прошу тебя, не надо! Прости, если я слишком много на себя беру, но, если ты собираешься спросить, что я думаю, сейчас я в самом деле не могу дать тебе никакого ответа. Ты оказываешь мне большую честь, – продолжала я так же косноязычно, как только что он. – И дело не в том, что я не... что я не хотела бы... – Здесь мой голос пресекся; не сомневаюсь, я покраснела еще гуще, чем Бен.

– В таком случае... – пылко начал он, но я снова его перебила:

– За последние несколько месяцев столько всего случилось... моя жизнь в самом деле перевернулась вверх дном. Иногда по утрам я просыпалась и гадала, что же будет дальше. Мне нужно время, чтобы привести в порядок свои мысли. Пожалуйста, постарайся меня понять.

– Конечно, – ответил Бен с таким сокрушенным видом, что я почувствовала себя чудовищем. – Мне и самому следовало догадаться, что сейчас неподходящее время для серьезного разговора... Я тебя не тороплю; думай сколько хочешь. Но мне легче было бы терпеть, если бы я знал, что ты не отказываешь мне категорически... – Он помолчал и добавил: – Только не считай, будто я заранее уверен в том, что ты примешь мое предложение. И тебе, разумеется, вовсе не нужно убегать из Лондона. Я не стану докучать тебе, требуя ответа.

Все было еще хуже, чем если бы он обвинил меня в том, что я бросаю его. Я со всею искренностью заявила, что верю в его порядочность. Вначале мои слова как будто подбодрили Бена, но затем он насупился и буркнул:

– Рад слышать.

– Бен, я дам тебе ответ, но не сейчас, – сказала я. – По-моему, мне в самом деле будет лучше побыть какое-то время вдали от Лондона. И потом, я уезжаю совсем ненадолго!

Бен помрачнел еще больше:

– Не нравится мне вся эта история! Не думай, Лиззи, я вовсе не эгоист. Просто рассказ твоего мистера Роуча напоминает треснутую чашку. Он звучит неправдоподобно.

– Ах, Бен! – ответила я, беря его за руку. – Пожалуйста, не беспокойся за меня. Я прекрасно могу сама о себе позаботиться.

– Ты прекрасно можешь угодить в неприятности! – возразил Бен. Он сжал обеими руками мою руку и взмолился: – Лиззи, я знаю, раз уж ты что-то вбила себе в голову, тебя не переубедишь. Но обещай, что будешь писать мне каждый день. Обо всем, хорошо? Учти, меня не интересуют длинные описания природы. Я хочу знать, что там происходит.

Мне хотелось того же, но, чтобы выяснить, что же там происходит, я должна была поехать в Гемпшир. Я обещала, что буду писать регулярно, а описаниям природы посвящу не больше одного абзаца на письмо.

Я понимала, что его забота обо мне неподдельна. Но путешествие в Гемпшир было для меня необходимым; в этом я была уверена.

– Полгода, не больше! – пообещала я.

Судьба способна на странные проделки. Бен сделал все, что было в его силах, чтобы в то утро проводить меня на вокзал Ватерлоо и лично поместить в единственное купе первого класса, предназначенное только для дам. Но преступный мир, как всегда, позаботился о том, чтобы в то утро он посвятил свое время другим занятиям. Вот почему на вокзал меня поехал провожать дворецкий Симмс, а Бен занимался «делами службы».

Добирались мы очень долго. Улицы оказались загромождены другими средствами передвижения; затем Симмс и возница никак не могли договориться о плате. На вокзале мы с трудом нашли нужную платформу: пути оказались пронумерованы не по порядку. Вокзал строился частями, и платформы добавлялись по мере надобности; никто не пытался навести порядок в нумерации. Не только мы с Симмсом метались туда-сюда, все больше волнуясь и досадуя. Когда же наконец нашли наш поезд, все места в единственном купе для дам оказались заняты. Вот почему мне пришлось путешествовать в обществе господина в цилиндре, накрытом платком, и еще двух попутчиков: джентльмена, похожего на священника, который сразу углубился в какую-то религиозную книгу, и пожилой дамы, которая быстро и ловко плела кружево. Хорошо еще, что к нам больше никто не пожелал подсесть: мои юбки с кринолином и юбки пожилой леди заняли все оставшееся место.

Я устроилась на удобном сиденье, постаралась выбросить из головы все недавние споры и стала думать о будущем. Вскоре я достала из сумочки письмо с указаниями, как добраться до конечного пункта – дома под названием «Прибрежный». Я развернула письмо и начала перечитывать его, и тут сидевший напротив меня господин снял свой укутанный платком цилиндр и, не убирая платка, поставил цилиндр себе на колени. Затем он нагнулся вперед и деликатно кашлянул, привлекая к себе мое внимание.

– Простите, что обращаюсь к вам, хотя мы незнакомы, – сказал он с интонацией, которая обличала в нем человека образованного. В сочетании с серьезной, внушающей доверие внешностью его уверенный и властный голос наводил на мысль о том, что мой попутчик – либо врач, либо юрист. Кроме того, судя по его гардеробу, он обладал весьма выгодной практикой. – Не имею ли я чести путешествовать с мисс Элизабет Мартин?

Глава 2

Элизабет Мартин

Должно быть, вид у меня сделался ошеломленный. Во всяком случае, я сидела точно громом пораженная и, наверное, даже приоткрыла рот. Не сразу я опомнилась и ответила:

– Совершенно верно. Но мне очень хотелось бы понять, откуда вы знаете, что я – это я.

– Сейчас объясню. – Джентльмен указал на письмо, которое я держала в руке. – Вот, смотрите... – Порывшись в кармане сюртука, он извлек оттуда письмо, очень похожее на мое; во всяком случае, почерк был тот же. – Ваше письмо, как и мое, написано мисс Роуч из «Прибрежного». Мы с вами направляемся в одно и то же место. Мисс Роуч рассказывала мне о вас. Насколько я понимаю, вы собираетесь поступить на место компаньонки к племяннице мисс Роуч.

Но по выражению вашего лица я вижу, что обо мне она вас не предупредила. Пожалуйста, позвольте мне представиться. Моя фамилия Лефевр, доктор Мариус Лефевр.

– Значит, вы все-таки медик! – не подумав, ляпнула я и поспешила добавить: – Мой отец тоже был врачом в нашем родном городке.

– Вот как? – улыбнулся доктор Лефевр.

– Ему приходилось выполнять и обязанности полицейского врача, – добавила я.

– В самом деле? – Доктор Лефевр ненадолго задумался и сказал: – Рад, что мы познакомились еще до приезда на место. У нас есть возможность кое-что обсудить до того, как мы доберемся до «Прибрежного». Хотя сейчас, очевидно, не самое подходящее время. – Он покоился на священника и даму, которая плела кружево.

Слова доктора меня встревожили. Что нам обсуждать? К сожалению, я не могла немедленно потребовать от него объяснить, что он имеет в виду. Может быть, я напрасно удивляюсь? Почему бы ему не знать, зачем я еду в Нью-Форест? Раз уж мисс Роуч взяла на себя труд рассказать ему обо мне, она наверняка также дала понять, почему возникла необходимость в моих услугах. Но почему она не рассказала о докторе мне? Очень досадно, но... с другой стороны, может быть, ничего странного тут нет. Положение компаньонки довольно неопределенное; по рангу она чуть выше гувернантки, но не является «членом семьи». Так что мне придется привыкать к странностям. Возможно, мисс Роуч просто не сочла нужным сообщить мне, что я буду не единственной, кто приедет в «Прибрежный». Ее дела меня не касаются.

Минут пять Лефевр сидел молча. Когда я постепенно успокоилась, он снова обратился ко мне:

– Мисс Мартин, доводилось ли вам раньше бывать в тех краях? Вы знакомы с Гемпширом? – Говоря, он не сводил взгляда с пейзажей, мелькающих за окном.

– Нет, доктор Лефевр. Моя родина – Дербишир; мне еще не доводилось забираться южнее Лондона.

– Вам должно там понравиться. Климат в тех местах умеренный; как правило, довольно тепло. После постройки вокзала Ватерлоо путешествие для жителей Лондона значительно упростилось. Жаль, что платформы не пронумерованы должным образом! Но прежний вокзал в районе Найн-Элмс был совсем несуразным. До него было так далеко добираться! Ватерлоо оказался настоящим благом. Но когда мы достигнем конечной станции... К сожалению, в Саутгемптоне все устроено немного иначе. Мисс Роуч в своем письме, несомненно, объяснила вам, что она рекомендует по прибытии?

– Она написала, что у них сломался экипаж, – ответила я. – Поэтому меня не встретят в Саутгемптоне. На другой берег придется переправляться на пароме. Он отправляется из порта

и прибывает в Хайт. Там меня... точнее, нас с вами... будут ждать. Во всяком случае, пешком идти не придется. Правда, я не знаю, на чем мы поедем от Хайта и сколько понадобится времени, чтобы добраться до «Прибрежного».

– Поверьте мне, ехать придется довольно долго, а дороги там проселочные, так что, на чем бы мы ни путешествовали, трясина будет сильно, – довольно сурово ответил Лефевр и посмотрел на меня в упор. – Итак, вы из Дербишира? Далеко же вы забрались от дома!

Мне стало неловко.

– Мой отец умер, – объяснила я, – и пришлось как-то устроиваться.

Доктор поднял руку в замшевой перчатке:

– Мисс Мартин, простите, если мои слова вас оскорбили. Я не хотел вас обидеть, а хотел лишь сказать, что в наши дни, благодаря развитию железнодорожного транспорта, все мы путешествуем по стране с легкостью и с такой скоростью, о какой наши предки и не мечтали. Взять, к примеру, моего деда. Каждый год он отправлялся в Бат, на воды. Ездил в собственной карете, и на дорогу у него уходило целых три дня! Теперь, вооружившись справочником «Брадшо», мы вполне в состоянии за такой срок объехать полстраны. Правда, дед в пути делал много остановок: навещал знакомых, закусывал, давал отдых лошадям и так далее. Кроме того, он путешествовал медленно и по другим причинам. Так, он возил свое постельное белье, чтобы его не покусали блохи на постоянных дворах. Посуда у него тоже была своя – он не доверял судомойкам в трактирах. Он брал с собой изрядный запас хорошего чая, флакон с бальзамом и флягу с хорошим виски, чтобы всесторонне скрасить себе путь... Вижу, вы улыбаетесь, мисс Мартин!

Взгляд доктора смягчился; мне даже показалось, что у него в глазах заплескались веселые огоньки.

– Прошу прощения, – сказала я.

– Не за что. Мне и хотелось немного вас развеселить. По-моему, вам не дают покоя какие-то неприятные мысли. Не забывайте о том, что я врач и обязан облегчать страдания!

Последние слова были произнесены серьезно, хотя веселые искорки в глазах не исчезли.

Я невольно подумала: может быть, доктор собирается скрасить долгий путь легким флиртом? По-моему, так же считала дама с кружевами. Она то и дело заинтересованно косилась в нашу сторону. Джентльмен с молитвенником не обращал на нас никакого внимания. Но, может быть, у моего спутника просто необычное чувство юмора. Я не знала, какое объяснение более справедливо.

Наверное, доктор Лефевр догадался, какие мысли появились в моей голове. Он доброжелательно улыбнулся и вежливо кивнул даме в углу. Та начала плести кружево с такой скоростью, что коклюшки, казалось, просто летают. Лефевр отвернулся и стал смотреть в окно.

«А может быть, он просто мне мстит? – подумала я. – Я пристально разглядывала его, когда поезд тронулся в путь, и теперь он решил отплатить мне той же монетой. По-моему, наш разговор его забавляет».

Так или иначе, но нам с доктором предстояло какое-то время провести под одной крышей... Я невольно смутилась и надеялась, что его визит в «Прибрежный» будет кратким. Должно быть, у него приемная в Лондоне и состоятельные пациенты.

«Лиззи! – сурово сказала я себе, слушая перестук колес. – Не забывай о хороших манерах и следи за языком!»

Мне показалось, будто в ответ на свой призыв я слышу недоверчивое хмыканье Бена Росса.

По мере приближения к конечной станции пассажиров в поезде заметно прибавилось. У многих из тех, кто подсаживался к нам в пути, было много багажа. Доктор Лефевр все задумчивее барабанил пальцами по своему дорожному цилиндру. Наконец, он снова обратился ко мне:

– Мисс Мартин, Саутгемптон – место оживленное. Многие из наших попутчиков, выйдя из поезда, сразу же отправятся в порт и переседадут на пакетботы. Нас ждет невыносимая давка. Если вы не против, пожалуйста, подождите меня на платформе. Я найду носильщика и кеб, который отвезет нас к паромному причалу.

Предложение доктора пришлось мне по душе. Видимо, он опытный путешественник. Естественно, его предсказания сбылись. На перроне скопилась такая же плотная толпа, как на любом из лондонских вокзалов. Людей, которые собирались пересечь на пассажирские пароходы, было видно издали благодаря огромным грудам всевозможного багажа. В толпе снова носильщики; их услуги пользовались здесь большим спросом.

– Стойте на месте, мисс Мартин! – приказал Лефевр и скрылся в толпе.

Я обрадовалась, когда он вновь возник из-за дымовой завесы; за ним по пятам следовал крепкий мужчина. Нас быстро провели сквозь толпу, и мы очутились в здании вокзала, где носильщик подозвал кеб. Не успела я опомниться, как мы с грохотом покатали в порт.

– Эта часть пути будет короткой! – пояснил запыхавшийся после своих трудов Лефевр. – Вы увидите часть старинной городской стены, но, к сожалению, не увидите старых ворот Баргейт. Очень жаль. Может быть, у вас будет возможность осмотреть город до того, как вы покинете Гемпшир.

– Мне бы хотелось, – кивнула я.

Лефевр нагнулся ко мне. Я ожидала, что он продолжит играть роль гида, но его цель оказалась другой. Откашлявшись, он сказал:

– Я рад, что у нас появилась возможность переговорить наедине до того, как мы доберемся до «Прибрежного». Я имею в виду состояние миссис Крейвен.

Мне не совсем понравился его тон.

– Мистер Чарлз Роуч, дядя миссис Крейвен, который меня нанял, говорил, что после недавних родов его племянница очень подавлена, – осторожно заметила я. – Вот почему ему показалось, что она нуждается в компаньонке. Насколько я поняла, ее супруг сейчас находится за границей.

Доктор Лефевр досадливо щелкнул пальцами. Я решила, что он не любит, когда его перебивают.

– Миссис Крейвен страдает от меланхолии, так как ее ребенок умер всего через несколько дней после появления на свет.

Последовала короткая пауза. Мне не хотелось напрашиваться на еще один досадливый жест. Но на сей раз сам доктор, похоже, ждал, что я что-нибудь скажу, поэтому я спросила:

– Вас пригласили, чтобы вы ее вылечили?

Доктор замялся, а потом ответил:

– Нет, нет. Моя задача – всего лишь оценить ее состояние по просьбе мистера Роуча. Сам он сейчас не может приехать в Гемпшир. Мы с Роучем довольно давно знакомы. – Он мимолетно улыбнулся. – Мы, потомки французских эмигрантов, стараемся держаться вместе. – Должно быть, заметив мой озадаченный взгляд, он пояснил: – Наши предки – гугеноты.

Я задумалась. Что доктор имеет в виду? Почему он сразу сказал, что является близким другом нанявшего меня человека? Может быть, он рассчитывает, что у меня развяжется язык?

Доктор снова откашлялся, привлекая к себе мое внимание.

– Вам следует знать, что меланхолия миссис Крейвен носит вид мании особого рода... – Он снова замолчал, ожидая моей ответной реплики, но я уже поняла его уловку.

Конечно, Лефевр – врач, но я – не его пациентка! Я здесь не для того, чтобы поверять ему мои мысли и страхи. Как раз наоборот!

Видя, что я молчу, он вынужден был продолжить:

– Она никак не может смириться с тем, что ее малышка умерла.

Я собиралась держать язык за зубами, но прямого этого шокирующего заявления заставила меня громко вскрикнуть. По спине у меня пробежал холодок. Очевидно, положение намного серьезнее, чем мне намекали. Впервые я задумалась, зачем меня посылают в «Прибрежный». Должна ли я стать другом и поверенной молодой женщины просто для того, чтобы поддержать ее? А может, мне предстоит убедить ее в печальном факте смерти ее ребенка? Подобная задача трудна, щекотлива и вовсе не предназначена для постороннего человека вроде меня. Каково же состояние ее рассудка? Последний вопрос я без обиняков задала своему попутчику.

Лефевр покачал головой:

– Мне известно не больше, чем вам. С миссис Крейвен я незнаком. Подобно вам, я знаю только то, что мне сообщили.

– У меня нет опыта сиделки, – решительно сказала я.

– Насколько я понимаю, ничего подобного от вас и не требуется, – вкрадчиво ответил Лефевр. – А, вот и порт!

После нашего короткого разговора мне стало не по себе, но все сразу же забылось, как только мы спустились из кеба на пристань. За нами высились старинные серые городские стены с променадом, по которому можно было добраться в центр города. Повсюду мы видели стройку – портовый район расширяли. А впереди – море, точнее, залив Саутгемптон-Вотер. Свежий ветер имел отчетливый соленый привкус. Над нами кружили и кричали чайки, высматривая крошки еды у пассажиров, ждущих на пристани. На волнах плясали солнечные зайчики. На противоположном берегу, в голубой дымке, виднелись многочисленные деревья и белые здания. Видимо, это и был городок Хайт. Я разволновалась, как дети, которые скакали и вопили в толпе, не обращая внимания на отчаянные попытки родителей их одернуть.

А что за пестрая толпа нас окружала! Неужели все эти люди надеются сесть на паром? Я невольно подумала о Ное: как же ему, бедному, пришлось нелегко, когда понадобилось втиснуть в ковчег всех многочисленных зверей! Вокруг нас стояли крестьяне с обветренными лицами, крестьянки, надевшие бумажные шляпы от солнца, все нагружены корзинками и тюками; рабочие, которые толкали тележки с багажом и грузами в виде таинственных ящиков. Собаки всех пород (некоторые являли собой странные помеси) тыкались в ноги детям и возбужденно лаяли, наслаждаясь игрой. Там и тут попадались прилично одетые люди; вдали мелькнула фигура священника. Кроме того, в толпе сновали носильщики, матросы с пакетботов, стоявших на якоре, и многочисленные зеваки. Они, скорее всего, никуда не ехали, просто им доставляло удовольствие, сунув руки в карманы, наблюдать за происходящим. Как и во всех оживленных местах, здесь было много оборванцев, которые рассчитывали пожить за счет наивных приезжих. Мы с доктором, судя по одежде, были городскими жителями и приехали издалека. Поэтому несколько оборванцев начали подбираться к нам.

– Следите за карманами, сэр! – посоветовал наш возница, когда доктор Лефевр с ним расплачивался. – Вон паром, прямо перед вами, а вон и Альберт. Эй ты! – вдруг заорал он. – Альберт! Иди сюда, проводи господ на паром!

Меня еще никогда в жизни не причисляли к «господам». Мне повезло, что я очутилась в обществе доктора Лефевра с его безукоризненной внешностью и властными манерами.

От толпы отделилась высокая и тощая фигура. Это был молодой человек с обветренным лицом и руками, в кепке с козырьком вроде матросской, вязаном свитере, едва не лопавшемся на мускулистых бронзовых плечах, холщовых штанах и прочных ботинках. Однако самой главной отличительной его чертой был единственный здоровый глаз. Второй, видимо, пострадал при каком-то ужасном несчастном случае. Закатившееся глазное яблоко было дымчато-голубым, но оставшийся здоровый глаз сверкал добродушием.

– Альберт, – представил его нам кебмен, – служит матросом на пароме. Оставляю вас на него. Желаю счастливого пути, сэр... мадам! – С этими словами возница вскарабкался на сиденье своего кеба и с грохотом покатил прочь.

– Билеты есть? – осведомился Альберт, очевидно, человек немногословный.

– Где их купить? – спросил доктор Лефевр.

Альберт показал на маленькую деревянную будку с окошком, за которым дородная женщина продавала билеты пассажирам, выстроившимся в длинную очередь.

– Может быть, вы подождете здесь, мисс Мартин... – начал доктор Лефевр.

– Не нужно! – перебил его Альберт. – Я отнесу ваш багаж и проведу даму на борт. Следуйте за мной, мэм!

Еще не договорив, он очень ловко подхватил наш багаж; ему как-то удавалось тащить его в одиночку. Он направился вперед вприпрыжку; я едва поспевала за ним.

Мы дошли до причала, и я увидела, что начался отлив. Уровень воды стал намного ниже зеленой корки водорослей на стенке причала. Паром подскакивал на волнах в нескольких футах под нами. На месте его удерживали носовой и кормовой канаты, привязанные к скользким с виду каменным тумбам. Паром оказался маленьким железным колесным пароходом с высокой трубой. На мостике, рядом с трубой, стоял моряк, небрежно положив руку на штурвал. Я решила, что это капитан. Море, солнце и ветер придали коже на его лице сходство с тиковым деревом. Капитан благожелательно взирал на толпу, которая устремилась на его судно по деревянным сходням. Под мостиком находилось крытое помещение – наверное, салон, где пассажиры, которым повезло попасть на паром первыми, укрываются от ветра и брызг. Те, которые оказались не столь расторопны, деловито располагались на палубе.

Свай, на которых стоял причал, обнажились из-за отлива; их тоже покрывали черные водоросли. Запах здесь стал сильнее и уже не показался мне приятным. От воды, плескавшей внизу, несло нечистотами. Всевозможный мусор плавал на ее поверхности и скапливался вокруг свай.

На паром вошло уже столько пассажиров, что я испугалась. Вдруг мы не поместимся? Мне стало немного легче, когда я увидела, что наш багаж благополучно доставлен на борт. Альберт аккуратно поставил вещи на бак, который сейчас был обращен к волнорезу. Сходни качались и тряслись; я крепко ухватилась за поручень, чтобы не упасть. Другие пассажиры, которым не терпелось попасть на паром, подталкивали меня в спину. Через дыру между каменным причалом и подпрыгивающим на волнах суденышком был переброшен узкий трап. При входе стоял мальчик и отбирал у пассажиров билеты. Счастливики, раскачиваясь, перебежали по трапу и, вздыхая с облегчением, спрыгивали на шаткую палубу. Я подхватила юбки и совершила мощный прыжок. На корабле я очутилась впервые в жизни.

– Идите вон туда, мэм, – посоветовал Альберт, указывая на деревянную скамью рядом с нашими вещами. – В салоне яблоку негде упасть.

Я быстро села, боясь, что наши места займут другие, и стала встревоженно вертеть головой, отыскивая своего попутчика. Доктор Лефевр спускался по сходням. Одной рукой он придерживал цилиндр, в другой я увидела кусочки белого картона. Добравшись до трапа, он протянул билеты мальчику. На мальчика произвел такое сильное впечатление хорошо одетый пассажир, что он добрых две секунды глазел на него разинув рот, прежде чем взял у него билеты. Доктор Лефевр, слегка запыхавшийся, но невозмутимый, как всегда, спустился на палубу и сел рядом со мной на деревянную скамью.

– Итак, мисс Мартин... Интересно, какие еще приключения ждут нас на пути в «Прибрежный»?

Ударили в колокол. Альберт втащил трап и закрыл металлическую дверцу. Взревел мотор; труба изрыгнула облако белого дыма. Завертели колеса, вспенивая воду. Мы стали,

пяться, отходить от берега, одновременно поворачиваясь вокруг собственной оси до тех пор, пока нос парохода не оказался на одной линии с противоположным берегом.

Мы с доктором сидели лицом к ветру и солнцу. Я подумала, не отстегнуть ли зонтик от дорожной сумки и не воспользоваться им как защитой от солнца. Но отказалась от своей затеи; в такой толпе мне вряд ли бы удалось раскрыть зонтик, не сломав его.

Колеса ужасно громыхали, мешая разговаривать. На середине пролива ветер стал сильнее. Доктор Лефевр снова достал белый шелковый платок и, свернув его наподобие бинта, накинул на цилиндр и завязал под подбородком. Любой другой человек в таком виде казался бы смешным, но для доктора, видимо, подобная предосторожность была делом практики. Во всяком случае, так показалось мне. Но другие отнеслись к его поступку по-иному. Сидящие напротив нас две крестьянки наблюдали за доктором едва ли не с ужасом. Одна из них нагнулась к товарке и, обведя пальцем собственный пухлый подбородок, произнесла одними губами:

– Подвязал челюсть, как покойник!

Путь до другого берега занял около получаса; я искренне наслаждалась своим первым морским путешествием. Кругом сновали всевозможные суденышки. Вдали на рейде в ожидании прилива стояли суда покрупнее, пассажирские, почтовые и торговые. Я огорчилась, когда колеса остановились, снова зазвонили в колокол и мы начали дрейфовать к причалу. Мне стало еще грустнее, когда я увидела сам причал.

На саутгемптонском берегу по крайней мере была пристань. На стороне Хайта я увидела лишь длинную отмель или намывную косу в толще едко пахнущего ила, оставшегося на мелководье после отлива. Коса уходила от берега на достаточную глубину, чтобы к ней можно было подвести наш паром. На косе нас ждал моряк. Никаких приспособлений для высадки не было; нам предстояло кое-как спуститься на косу, а оттуда перебраться на сушу, таща свой багаж. Предприятие показалось мне довольно опасным. Должно быть, ужас отразился у меня на лице, потому что стоящий рядом со мной пожилой, краснолицый сельский житель стал меня утешать:

– На самом деле, мэм, все не так плохо. На моих глазах в воду падали только два раза, к тому же один упавший был пьян в стельку. Знаете что? Мой сын поможет вам с вещами. Обадия, возьми-ка у леди чемодан!

– Мы вам очень признательны, – сказал доктор Лефевр.

Наш благодетель доверительно нагнулся к нему:

– Сэр, нам нужно, чтобы закон принял парламент! – Последнее слово он произнес по слогам: «пар-ла-мент».

– В самом деле? – спросил Лефевр. Даже его поразили слова нашего спутника.

– Да, сэр, и тогда у нас тоже построят нормальный причал, как на той, саутгемптонской, стороне. Паром будет подходить к причалу, и намывная коса нам больше не понадобится. Мы уже много лет добиваемся, чтобы здесь построили причал. Нам отвечают: строительство можно начинать только после того, как закон примет парламент... Да только джентльмены из парламента не торопятся; видно, времени у них на нас не хватает. Живем надеждой, сэр.

Наш капитан отважно повел паром вдоль намывной косы. Появился Альберт; он сбросил трап, протолкнув его в открытую дверцу, и его поймал матрос, стоявший на косе. Опытные пассажиры тут же начали спускаться по нему. Мы последовали за ними. Альберт подталкивал всех к матросу, стоявшему на косе. Тот ловил пассажиров, не давая им упасть, и, в свою очередь, подталкивал в сторону суши. Я держала свои пышные юбки обеими руками. Под ногами скрипел мокрый гравий. Впереди семенила дородная женщина с плетеной корзинкой, а сзади шел доктор Лефевр, всячески поощряя меня. Передвигалась я без всякого изящества и вздохнула с облегчением, очутившись наконец на берегу.

Вокруг нас толпились пассажиры, стремящиеся попасть в Саутгемптон. Как только паром освободился, они поспешили занять на нем места. Вскоре паром отчалит, затем превратится в

мерцающую черную точку, а потом и вовсе скроется из вида... Мне стало грустно. Хотя меня со всех сторон окружали люди, я, как Робинзон Крузо, оказалась на незнакомом берегу, где не знала никого, кроме моего необычного попутчика.

После того как Обадия принес наши вещи, доктор Лефевр наградил его шестипенсовиком. Его отец пробовал отказаться, но, по-моему, у Обадии было другое мнение на этот счет. Он схватил монету и зашагал прочь.

Доктор Лефевр развязал платок, аккуратно сложил его и сунул в карман.

– Как у вас настроение, мисс Мартин? Хорошее?

– О да! – запыхавшись, ответила я. Недавние страхи ушли прочь.

– Молодец. Ну, на чем же мы поедем дальше? – спросил доктор, и я со всей очевидностью поняла, что назад пути нет.

Глава 3

Инспектор Бенджамин Росс

Конечно, мне очень хотелось самому проводить Лиззи на вокзал Ватерлоо. Я надеялся, что, если обращусь к ее разуму в последнюю минуту, среди грохочущих и шипящих паровозов, она, возможно, и передумает ехать в Гемпшир. Правда, мне прекрасно известно: уж если Лиззи что-то вбила себе в голову, повлиять на ее решение способно лишь нечто по-настоящему экстраординарное.

Однако все вышло совсем по-другому. В то время, когда Лиззи отъезжала от Ватерлоо, я сидел неподалеку от другого крупного лондонского вокзала, Кингс-Кросс, в тамошнем полицейском участке, и допрашивал одну малосимпатичную личность по имени Джонас Уоткинс. На его одутловатом лице выделялись заплывшие глаза и тонкие злобные губы. Уоткинс одевался броско; на нем был костюм в мелкую клетку. Я еще подумал, что кто-то оказал ему медвежью услугу. Такой костюм привлекает лишнее внимание к его тощей фигуре. Сам Уоткинс, очевидно, так не считал. Несмотря на отсутствие какого бы то ни было обаяния, он казался самодовольным петухом, особенно из-за повторяющегося жеста: он то и дело похлопывал себя по макушке, приглаживая вихры, которые мазал какой-то едко пахнущей дрязью.

– Слушайте, – сказал я ему, – тянуть время ни к чему. Откровенно говоря, у меня сегодня не самое лучшее настроение. С вашей стороны неразумно его испытывать.

– А я и не собираюсь напрасно тратить ничье время, – заявил мистер Уоткинс. – В том числе и свое собственное, раз уж на то пошло. Что я здесь делаю? Вот что я желаю знать.

«А я-то что здесь делаю?» – подумал я, глубоко вдохнув. Сейчас я должен находиться на вокзале Ватерлоо и, если понадобится, выволакивать Лиззи из поезда!

Я немного отвлекся, представляя себе эту картину, но вскоре решил, что подобное неосуществимо. Если бы я попробовал куда-то потащить Лиззи, она бы оказала мне упорное сопротивление. Дело, скорее всего, кончилось бы моим арестом.

Ну чего ради ей ехать в такое место, о котором она ничего не знает, к людям, о которых ей известно лишь из очень ненадежного, на мой взгляд, источника? Когда она впервые покинула родной Дербишир и отправилась в Лондон, она все же ехала не к совсем чужому человеку: к жене своего крестного. Лиззи знала, кто такая миссис Парри. Но даже ее первое приключение в столице едва не закончилось для нее плачевно.

– Ну, так что же? – грубо спросил Уоткинс, приняв мою задумчивость за неспособность ответить на его вопрос.

– Вы здесь, – ответил я, – потому что в полицию обратилась молодая женщина по имени Мэри Харрис. Она утверждает, что оставила вам и вашей жене своего ребенка, которому тогда было год и четыре месяца, на попечение.

– Не знаю никакой Мэри Харрис, – не задумываясь, ответил Уоткинс. – То же самое я сказал вашему констеблю, который заявился к нам домой. Миссис Уоткинс очень расстроилась. Мы люди почтенные и не позволим всяким там констеблям приставать к нам с вопросами. Среди соседей пойдут слухи. Среди моих знакомых есть одна женщина по имени Мэри – Мэри Флетчер. Она содержит паб «Королевская голова». Но у нее нет никакого полугодовалого ребенка. Ей лет шестьдесят, не меньше.

– Джонас, – негромко обратился я к нему, – я человек занятой, и у меня нет времени слушать вашу болтовню.

Мой тихий голос его встревожил. Он бы предпочел, чтобы я накричал на него. К такому он был готов.

– Не знаю, о ком вы говорите, – упрямо повторил он.

– Что ж, в таком случае позвольте освежить вашу память. Мэри Харрис – горничная. Полтора года назад, когда она была в услужении в Челси, она родила младенца мужского пола вне брака.

– Все понятно! – с добродетельным видом воскликнул Уоткинс. – Такой особе вряд ли можно верить!

– И все же я ей верю. Несмотря на то что отец ребенка ее бросил, мисс Харрис не оставила малыша, а поскольку заботиться о нем сама она не могла, она вначале оставила его у своей пожилой матери в Кентиштауне. К сожалению, вскоре ее мать скончалась. Мэри не с кем было оставить ребенка, а отдавать его в приют она не хотела. Потом она услышала о вас и вашей жене. Ей сказали, что вы заботитесь о младенцах, за которыми не могут присматривать родители. Иными словами, у вас детские ясли.

– Ну да, мы с миссис Уоткинс присматриваем за детишками, – согласился Уоткинс. – Дело вполне законное и почтенное; можно сказать, что мы оказываем пользу обществу. Выручаем тех, кому некуда податься.

– Итак, – продолжал я, не обращая на него внимания, – эта несчастная молодая женщина заплатила вам из своего скудного жалованья, чтобы вы заботились о ее ребенке. К сожалению, вскоре она заболела и потеряла работу. Ей пришлось жить на остатки своих сбережений. Она не смогла внести еженедельную плату за содержание своего сына и попросила вас подождать. Обещала возобновить платежи и вернуть вам долг, как только найдет другое место.

Уоткинс вздохнул:

– Сколько раз я слышал то же самое! Не от Мэри Харрис, или как там ее звали, потому что никакой Мэри Харрис я не знаю. Они все говорят одно и то же. Сначала клянутся, что будут платить регулярно. Но спустя какое-то время плата превращается в помеху. И они исчезают. Перестают навещать своих малюток. Не платят нам с миссис Уоткинс. А ведь у нас не благотворительная организация! Нам надо жить и кормить других детей.

– Как же вы поступаете в подобных случаях? – спросил я.

– Отдаем ребенка в работный дом, – ответил Уоткинс.

– Но ребенка Мэри Харрис вы в работный дом не отдали, так ведь?

– Потому что я... мы... потому что у нас его и не было! – торжествующе вскричал Уоткинс, тыча в меня своим костлявым пальцем.

– Но Мэри Харрис действительно к вам приходила. Ей довольно долго не удавалось найти место горничной в Лондоне; какое-то время она работала за городом. Наконец, она нашла место в Лондоне и при первой же возможности отправилась повидать своего мальчику и заплатить вам долг. Вы сказали ей, что отдали ребенка в работный дом. Она пошла в работный дом с вопросами, но они уверяют, что в тот период, о котором идет речь, вы им никакого ребенка не отдавали.

– Значит, они сами его потеряли, – отрезал Уоткинс. – У них там ребят столько, что они не знают, что с ними делать, и они не могут уследить за всеми. Помяните мои слова: они его потеряли!

– Итак, теперь, по вашим словам, выходит, что вы все же отдали ребенка в работный дом? Я-то думал, что вы в глаза не видели ни Мэри Харрис, ни ее сына! Но вы только что сами сказали; сержант Моррис свидетель.

– Совершенно верно, – мрачно отозвался сержант Моррис из угла.

– Нет-нет-нет, инспектор! – Уоткинс подался вперед и лъстиво обратился ко мне: – Вы меня не так поняли! Когда я говорил, что отдавал оставшихся ребятишек в работный дом, я просто объяснял, как мы поступаем в подобных случаях. Я вовсе не имел в виду, что мы сдали туда Питера.

– А, так вы и имя его знаете?

– Вы сами мне его сказали! – немедленно ответил Уоткинс.

– Нет, я ничего вам не говорил. Как, сержант?

– Нет, сэр, – подтвердил Моррис. – Я сижу здесь и все записываю, как вы мне велели. Каждое сказанное слово, в мой блокнот! – Он помахал блокнотом.

Уоткинс мрачно воззрился на блокнот.

– Мэри Харрис обратилась в ближайший к вашему дому полицейский участок; так вышло, что это участок Кингс-Кросс, – продолжал я. – Она рассказала, что произошло. Ей поверили. Один наш сотрудник пошел к вам домой, а когда вы заявили, что не знаете никакой Мэри Харрис, ваше поведение показалось ему подозрительным. Тогда возбудили дело об убийстве и передали его в Скотленд-Ярд.

– Убийство! – завизжал Уоткинс, вскакивая и в ужасе размахивая руками. – Да не убивал я этого сопляка!

Моррис величественно встал и положил руку на плечо несчастного Джонаса.

– Сядьте, мистер Уоткинс, сядьте же, – предложил он.

Уоткинс покосился на него и решил подчиниться.

– Не убивал я его, – упрямо произнес он.

– Значит, вы не отрицаете, что ребенок был на вашем попечении?

– Ну ладно, был. Но девчонка, его мать, куда-то уехала из Лондона; мы решили, что больше ее не увидим. С нами такое не в первый раз случается. Все пользуются нашей добротой, – прохныкал Уоткинс. Он даже прослезился – наверное, живо представив виселицу.

– Значит, вы не отдавали ребенка в работный дом?

– Нет, – признался Уоткинс. – Я бы свел его туда, да последнее время, как я к ним приходил, они отбрыкивались руками и ногами. Я подумал, будет лучше, если мы какое-то время будем держаться от них подальше.

– Что же вы сделали с мальчиком?

Уоткинс глубоко вздохнул:

– Я отвел его сюда, на вокзал Кингс-Кросс, и оставил на платформе. Паровозы ему очень понравились. Он смотрел на паровозы, а я... выпустил его руку и скрылся в толпе.

Моррис что-то проворчал.

Уоткинс боязливо оглянулся на сержанта.

– Я знал, что его найдут. Истинная правда! Я знал, что его найдут. Клянусь, я малышу ничего плохого не сделал! Вы уж мне поверьте!

– Ничего плохого? Представьте, как он испугался, когда понял, что остался один! Представьте только, в чьи руки он мог попасть! И что с ним могло случиться, когда он без присмотра бродил среди паровозов? – загремел я.

– С вокзала Кингс-Кросс в основном уезжают люди почтенные, – слабо возразил Уоткинс. – А служащие вокзала всегда начеку.

– Да, к счастью, так и оказалось. Мальчика заметили и вызвали полицию. Он почти не умел говорить, лишь с трудом лепетал свое имя, Питер. Поэтому вы решили, что вас не найдут. Его временно поместили на попечение женщины, которая выкармливает малышей на средства прихода. Но после жалобы, поданной мисс Харрис, в вечерних газетах поместили заметку, в которой просили сведения, способные помочь в розысках. Заметку прочел муж упомянутой мной женщины. Они испугались, как бы их не обвинили в похищении, и связались с нами. Мисс Харрис отвезли посмотреть ребенка, и она его узнала.

Теперь Уоткинс в своем кричащем наряде являл собой жалкую фигуру.

– Нет в мире справедливости, – пробормотал он.

– Наоборот, есть. Считайте, что вам повезло. Питер Харрис не исчез навсегда на вокзале Кингс-Кросс, потому что в таком случае вам бы предъявили обвинение в убийстве. Мать нашла своего сына и поместила его в новую приемную семью – куда более надежную, чем ваша! Ее

теперешняя хозяйка, которой Мэри вынуждена была во всем признаться, потому что брала отпуск на розыски ребенка, посочувствовала ей и помогла.

– Все хорошо, что хорошо кончается, верно? – воскликнул приободрившийся Уоткинс.

– Зависит от того, что вы называете «хорошим» и что понимаем под этим мы. Джонас Уоткинс, в соответствии с парламентским законом 1861 года о преступлениях против личности вы обвиняетесь в оставлении ребенка младше двух лет в обстоятельствах, могших повлечь за собой смерть, травму или иной вред.

Глаза Уоткинса наполнились слезами.

– Вот так всегда бывает, – проквашал он, – когда пытаешься кому-то помочь!

Я оставил Морриса разбираться с жалким созданием и вышел подышать тем, что, словно в насмешку, называют свежим воздухом центральной части Лондона. Гул голосов, грохот колес, цокот копыт, крики уличных торговцев разом оглушили меня. Нос заполнился знакомыми миазмами. Среди неприятных запахов я различал серное, угольное и нефтяное зловоние ангаров стоящего рядом железнодорожного вокзала. Мои мысли невольно вернулись к Лиззи и вокзалу Ватерлоо; он, кстати, и был недалеко. Я подумал: что, если заехать в дом миссис Парри и переговорить с дворецким Симмсом? Надо убедиться, что Лиззи благополучно отправилась в свой Гемпшир. Но если она не добралась туда благополучно, скоро я обо всем узнаю. Мне не оставалось ничего иного – только ждать.

Глава 4

Элизабет Мартин

Мы с Лефевром озирались по сторонам. Неожиданно мы услышали крик. Нам навстречу спешил пожилой человек в вельветовых бриджах и кожаных гетрах конюха, в котелке, надвинутом на самый лоб. Приблизившись, он снял котелок и, отдуваясь, спросил:

– Это вы едете в «Прибрежный»?

Мы сказали, что да.

– Ага, – заметил он, оглядывая наш багаж и качая головой, словно выражал сомнение. – Ну, прямо не знаю, поместитесь ли вы оба в двуколку, да еще со всеми пожитками. Но попробовать-то можно! – заключил он, потирая руки. – Ликург Гринуэй, к вашим услугам, сэр... мисс. – Мужчина снова водрузил котелок на голову и прихлопнул днище ладонью, чтобы убедиться, что головной убор сидит плотно. Так как его голова была круглой, а фигура – невысокой и коренастой, в котелке он сильно напоминал перечницу.

– Ликург? – переспросил доктор Лефевр. – Какое у вас необычное имя!

– Ага! – ответил мистер Гринуэй. – Мой отец был трезвенником. Решительно выступал против пьянства всю жизнь, с ранней молодости. Он назвал меня Ликургом в честь другого знаменитого трезвенника – по крайней мере, он так считал.

– Ликург был не просто трезвенником, – заметил доктор Лефевр, – хотя ход мыслей вашего отца я вполне понимаю. Ликург в древности был царем. Он запретил распутный культ бога Вакха и приказал вырубить все виноградники.

Услышав о своем знаменитом тезке, мистер Гринуэй весьма приободрился:

– Значит, мой старик папаша кое в чем разбирался. Сюда, пожалуйста!

Следом за ним мы завернули за угол и очутились на главной улице. Перед пивной, патристично названной «Лорд Нельсон» в честь героя Трафальгарской битвы, стояла двуколка с сиденьями напротив друг друга и высокой скамейкой для возницы. В двуколку был впряжен унылого вида пони с большой головой на овечьей шее. В самом деле, мне показалось, что мы со всеми вещами просто не втиснемся в такое скромное транспортное средство.

– Боже мой... – негромко произнес доктор.

Ликург Гринуэй как будто слегка смутился.

– Сэр, мисс Роуч шлет свои извинения, но в ландо сломалась ось; кузнецу надо приделать новую.

– Видимо, тут ничего не поделаешь, – философски заметил доктор Лефевр.

– Она рухнула прямо на землю, – продолжал Гринуэй, мрачно качая головой.

Мы оба встревожились, услышав это, но потом поняли, что Гринуэй имеет в виду ландо, а вовсе не свою хозяйку.

– Ну вот, – продолжал наш возница, – вещи ваши я поставлю на пол, а потом уж вы запрыгивайте и занимайте места. Будет неплохо, если дама... прошу прощения, мисс... поставит ноги на свой чемодан.

– А пони выдержит такой груз? – спросила я. – Нам далеко ехать?

– Можно отправиться берегом, а можно и срезать, – ответил мистер Гринуэй. – Лично я предпочитаю срезать. Так получится миль шесть, может, чуть больше или чуть меньше, а по берегу чуть не вдвое длиннее. Дорога неровная, я ехал по ней утром; но она не разрушена. Двуколка и не качнется!

Я услышала, как доктор Лефевр рядом со мной шумно вздохнул.

– Давайте поедем более короткой дорогой, – стоически предложил он, – если мисс Мартин согласна. Возможно, нас растрясет, – продолжал он, обращаясь ко мне, – но, по-моему, в таком экипаже не стоит путешествовать вдоль берега! – Он показал тростью на двуколку и пони. Лошадка заметила его жест, вскинула голову и фыркнула, закатив глаза.

– Короткая дорога легче для пони, – добавила я.

– За лошадку не волнуйтесь, мисс, она крепче, чем кажется, – объявил Гринуэй.

На то, чтобы усадить нас, ушло некоторое время; из «Лорда Нельсона» вышли несколько завсегдатаев. Не выпуская кружек из рук, они наблюдали за посадкой и предлагали свои советы. Все они как будто хорошо знали мистера Гринуэя и обращались к нему просто Ли. Я решила, что мистеру Гринуэю-старшему все же не удалось привить своему отпрыску привычку к трезвости.

Наконец, двуколка качнулась и поехала. Общество, толпящееся у пивной, проводило нас подбадривающими криками. Доктор Лефевр снял цилиндр и с серьезным видом помахал им. Мужчины оценили его вежливость, ответив еще более громким «ура».

Затем мы повернули за угол и скрылись из вида, обеспечив завсегдатаев пивной темами для разговоров до конца дня.

Сначала дорога шла вдоль берега и была довольно ровной. Слева от нас плескались волны. Затем дорога повернула в сторону от моря и запетляла между густо посаженными деревьями. Я надеялась, что навстречу нам никто не попадется, так как дорогу сильно сужали растущий по обочинам папоротник-орляк, высохший и побуревший в конце лета, и разросшиеся ветки кустарника, гнущиеся к земле. Под деревьями было прохладно, что я восприняла с благодарностью. Так мы весело трусили до тех пор, пока не приблизились к подножию довольно высокого холма. Гринуэй натянул поводья, и мы остановились.

Возница повернулся на сиденье, окинул нас опытным взглядом и провозгласил:

– Прошу прощения, но я не уверен, что кобылка одолеет подъем. Дамочка-то, судя по виду, много не весит и может оставаться на месте, но вы, сэр, если не возражаете, лучше слезьте, и мы с вами пойдем пешком.

– Я тоже слезу, – тут же вызвалась я, так как мне хотелось размять ноги.

Мы кое-как спустились со своих сидений, и Гринуэй, взяв пони за узду, повел его вперед. Мы с доктором шагали за двуколкой.

– Прямо как плакальщики на похоронах! – неожиданно заметил доктор Лефевр.

Его юмор в эту минуту показался мне признаком дурного вкуса, но он, как я уже поняла, был человеком непредсказуемым во всех отношениях.

Под ярко светившим солнцем мы поднялись на холм, вершина которого была, к моему удивлению, совершенно лишена растительности. С берега казалось, что здесь все поросло лесом. На самом деле деревья окаймляли только берег. Мы снова забрались в двуколку. Для меня, обремененной юбками, это была задача не из легких, несмотря на то что доктор Лефевр залез первым и протянул мне руку. Проблему разрешил Гринуэй.

– Прошу прощения за вольность, мисс! – С этими словами он сильно подпихнул меня снизу. Я буквально влетела в объятия доктора Лефевра и крепко ухватилась за его сюртук, чтобы не упасть. Мой чепец сбился на затылок и не слетел с головы только благодаря лентам. Борода доктора шекотала мне лицо.

Мы расцепились, пробормотав взаимные извинения, и Гринуэй, несколько встревоженно оглядев нас, спросил, как мы себя чувствуем. Мы, отдуваясь, ответили, что чувствуем себя хорошо. Я села и поспешно поправила чепец.

– Ну, значит, все нормально, – заметил наш возница и вскарабкался на свой насест.

Двуколка снова двинулась в путь. Мы с доктором старались не смотреть друг на друга, что было непросто, так как сидели мы напротив. Когда же через несколько минут я украдкой покосилась на него, то увидела, что он смотрит в сторону, любуясь пейзажем. Сначала мы ехали

полями, но затем дорога привела нас на обширную вересковую пустошь. Мистер Гринуэй сдержал обещание «срезать». Я вслух выразила свое удивление. Мне-то казалось, что местность с названием Нью-Форест, «новый лес», должна быть лесистой.

– Нет-нет, мисс! – прокричал мистер Гринуэй со своего насеста, когда расслышал вопрос. – Кое-где у нас лес, а кое-где вереск. Мы зовем лесом и то и другое.

Хотя грунтовая дорога, по которой мы ехали, была довольно ровной, двуколку немилосердно трясло, отчего мы вынуждены были все время подсакивать. Доктор Лефевр сидел, опираясь на свою ротанговую трость; руки он положил на набалдашник, как в поезде. Грохот колес приглушала мягкая торфяная почва. Копыта пони гулко цокали по земле. Воздух был чистым и свежим, и поездка была бы приятной, если бы не жара. Я пожалела, что мы выбрались из-под тени деревьев. Здесь, в безлесной пустоши, солнце немилосердно жгло пересохшую землю, кусты утесника выставили к небу свои колючки. Я подумала, что весной и в начале лета эти неприветливые заросли должны являть собой красивое золотистое зрелище. Но теперь даже ковер из вереска не скрывал убогости этих мест.

Я изредка видела узкие тропинки, по которым мог пройти один человек. Непонятно было только, куда они ведут.

В зарослях травы паслись пони; одни сами по себе, другие парами, были также довольно большие табуны. Укрытия для них не было, и я не заметила поблизости никаких признаков воды. Едва ли владельцы выгнали свой скот на такие бедные пастбища. Наверное, пони дикие? Я набрала в грудь воздуха и прокричала свой вопрос.

– Не совсем, мисс, – ответил, обернувшись, мистер Гринуэй и замахнулся хлыстом на ближайший к нам табун. – Некоторые наши жители, коренные, так сказать, имеют право пасти свой скот в лесу, на общинной земле. Скоро их будут сгонять – так у нас говорят. Выберут тех, что получше, и продадут с аукциона. Они у нас крепкие. Смотрите внимательно, мисс, может, и других зверюшек увидите – свиней или осликов. Там, в лесу, и олени водятся. – Гринуэй показал хлыстом направо, где виднелась опушка леса.

– Что здесь случилось? – спросил доктор Лефевр, когда мы проезжали мимо большого участка почерневшей растительности.

– Летний пожар, сэр. Пустошь частенько горит, особенно в такую сушь, как в этом году. Дождей-то почти не было, и земля вся пересохла. Утесник и вереск горят, как спички. А тушить их не так легко, доложу я вам. Кстати, если захотите здесь прогуляться, берегитесь гадюк. Вот, видите ту тропинку? – Возница указал на узкую тропку, каких было много на пути. – Их проделали пони. Они всегда ходят одной и той же дорогой, туда, где можно найти воду. Год за годом они ходят своими тропками... да что там, сотню лет ходят, и все по следам тех пони, что жили тут давным-дав но. А гадюки, особенно в такой славный теплый денек, как сего дня, любят полежать на солнышке, посреди дороги. Когда идешь по узкой тропке, на гадюку легко наступить. Если увидите перед собой гадюку и уже не сможете убежать, старайтесь наступить ей на голову. Хвост не причинит вам вреда, зато зубы могут укусить.

После этого приводящего в уныние совета мы продолжали путь в молчании и относительно удобстве; мы больше ничего не видели вокруг, лишь иногда мирно пасущегося пони. Мы не встретили других повозок, кроме пестро расписанной цыганской кибитки, которую тащила пегая лошадь; за ней бежали босоногие ребяташки. При виде их веселых, нахальных мордашек я рассмеялась и покосилась на Лефевра. Он улыбнулся в ответ. Мы с ним словно радовались одной и той же шутке, но что это за шутка, я понятия не имела.

Неожиданно Лефевр громко обратился ко мне, стараясь перекрыть грохот двуколки:

– Свобода! Дано ли нам познать ее еще когда-нибудь, ведь детство осталось позади? Что скажете, мисс Мартин?

– Не все дети наслаждаются должной свободой. Наверное, только те, кому повезло, – ответила я.

Доктор поднял кустистые брови:

– Вы считаете, что вам повезло, или нет?

– Я росла совершенно свободной, но только потому, что рано осталась без матери, а отец всегда был очень занят и его не волновало, что я делаю.

– Значит, вам не повезло, – последовал ответ.

Я пылко возразила:

– Ни в коем случае! По-моему, несчастными надо называть других детей, тех, кто вынужден зарабатывать себе на жизнь с самого раннего возраста. Я много повидала таких детей в своем городке, вернее, на расположенных вокруг него угольных шахтах.

– Совершенно верно, бедняки живут по суровым законам, – хладнокровно ответил Лефевр, – но и деньги тоже накладывают свои ограничения.

– Нельзя ожидать, что тебе дадут все и ничего не потребуют взамен, – сказала я, не совсем понимая, о чем говорит доктор. Мне казалось, что такой разговор совершенно неуместен, особенно в тряской двуколке.

Должно быть, мой тон подсказал ему, что тема мне неприятна, поэтому он не стал больше ничего говорить, только смерил меня задумчивым взглядом.

«Может, он считает меня странной?» – подумала я. Что ж, если так, тут ничего не поделаешь. «Что на уме, то и на языке», как выражались в моем родном городке, обычно имея в виду человека, который так или иначе «давал маху», если воспользоваться еще одним местным выражением. Но мне вдруг стало не по себе. Интересно, на что намекал доктор?

Некоторое время мы ехали молча. Потом впереди, на дороге, показались две фигуры, которые двигались гуськом. Сзади плелась женщина; впереди нее прогулочным шагом выступил мужчина. Руки он сунул в карманы, а цилиндр заливчато сдвинул на затылок. Он нарочно примял одну сторону своего головного убора, чтобы «ловчее сидел» на голове, как выражались в нашем городке. Так носили цилиндры и в Лондоне – в основном те, кого презрительно называли «деревенщина».

– Ага! – воскликнул Гринуэй, замедляя ход.

Мы поравнялись с двумя путниками, и я заметила, что их сопровождает пара маленьких терьеров. Псы выскочили из вереска, где они охотились, и смотрели на нас сверкающими злобными глазками. Гринуэй нагнулся с козел и окликнул мужчину:

– Эй, Джек Бреннан, вижу, ты опять в наших краях! А я ведь только позавчера говорил: пожалуй, пора тебе и вернуться.

Мужчина подошел к двуколке, а женщина отстала и, склонив голову, стала ждать. Она являла собой поистине жалкое зрелище. Несмотря на теплый день, на ней была клетчатая шаль, переkreщенная на груди и завязанная на поясице. Из-под широкополой фетровой шляпы выбивались влажные сальные пряди волос. Шляпу она повязала примерно так же, как доктор Лефевр на пароме: обмотала ее шарфом и завязала его концы под подбородком. Приподняв подол юбки и подколов его, женщина надеялась спасти свою одежду от дорожной пыли. Благодаря приподнятому подолу я разглядела, что на ней мужские башмаки, покрытые коркой засохшей грязи. Она тащила все пожитки в большой и тяжелой с виду плетеной корзине, прикрепленной ремнями к спине. Не знаю, заметила она или нет, что я пристально разглядываю ее. Лицо она так и не подняла. Это возбудило мое любопытство и подозрение настолько, что я попыталась рассмотреть ее получше. Мне показалось, что я заметила на ее лице синяки; правда, женщина стояла довольно далеко, и я ни в чем не была уверена. Больше всего меня поразила ее утомленная поза. Видимо, она совершенно измучилась в пути, но боялась прилечь, понимая, что потом вряд ли поднимется.

Терьеры подошли к пони и залаяли. Наша лошадка фыркнула и вскинула голову. Двуколка качнулась. Хозяин грубо отозвал собак, и они убежали прочь. Его окрик привлек к нему мое внимание.

На вид ему можно было дать лет сорок. Смуглое лицо с дубленой кожей в ореоле густых черных кудрей. На Бреннане были крепкие рабочие башмаки, но в остальном он был одет гораздо лучше своей бедной жены. В коричневом вельветовом костюме с кротовым жилетом он, наверное, казался себе настоящим франтом, но, по-моему, больше походил на дикого зверя – крупного и передвигающегося на задних лапах. На шею он повязал ярко-алый платок, подчеркивавший его своеобразную, грубую красоту. В отличие от него жена, если когда-то и была миловидной, давным-давно растеряла всякую привлекательность.

Бреннан повернулся к доктору и ко мне и, подняв свой примятый цилиндр, отвесил театральный поклон со словами:

– Добрый вам день, господа почтенные!

Я разозлилась оттого, что меня вновь причислили к «господам», ведь я всего-навсего дочь почтенного доктора; но еще больше мне не понравилось, что так меня приветствует Бреннан, чьи манеры граничили с наглостью. Его сверкающие черные глаза взирали на нас с насмешкой; когда же он посмотрел на меня, я заметила в них явное одобрение, что мне совсем не понравилось.

В ответ на его приветствие мы с Лефевром молча кивнули. Бреннан снова нахлобучил на голову цилиндр и обратился к Гринуэю:

– Я зайду к вашим хозяйкам и спрошу, нужны им мои услуги или нет.

– Я им передам, – сухо ответил Гринуэй, которому, на верное, тоже не понравилась явная насмешка Бреннана.

Гринуэй тряхнул поводьями, и мы тронулись в путь, оставив Бреннана и его жену позади.

– Кто он такой? – спросил доктор Лефевр.

Гринуэй изогнулся на своей скамейке.

– Джек Бреннан, сэр, по профессии бродячий крысолов. Он обходит нас регулярно, как судья, и всегда появляется примерно в одно и то же время, хотя постоянно вроде бы обитает в Лондоне. По-моему, он смахивает на цыгана. Вот почему он больше любит бродить по дорогам, чем жить в большом городе.

– Он честный человек?

– Ну да, сэр, если вы имеете в виду, вор он или нет. Вроде бы он не ворует; во всяком случае, мы за ним ничего такого не замечали. Ему хорошо платят за труды. Крысы-то водятся везде, и у крысолова всегда найдется работа.

У меня тоже появился вопрос.

– А его бедная жена всегда путешествует с ним?

– Да, мисс. Она всегда идет с ним, даже когда носит. Они вдвоем разбивают лагерь где-нибудь на пустоши или в лесу и ставят там палатку. Я не слышал, чтобы они доставляли кому-то хлопоты.

Я больше ничего не сказала, только сердито сжала губы. Я поняла, что, сказав «носит», Гринуэй имел в виду не плетеную корзину на спине, а ребенка. Интересно, кто присматривает за детьми этой странной супружеской пары, пока она странствует по дорогам?

Я невольно вздрогнула, вспомнив острый взгляд Бреннана. Его глаза были очень похожи на глаза хищника, охотящегося за пропитанием.

Мы продолжали путь, проезжая мимо разрозненных деревьев и вересковых пустошей. После очередного поворота дорога стала заметно лучше. Я снова почувствовала соленый запах моря. Вспомнив пожелтевший атлас, обнаруженный мной в библиотеке Джосаи Парри, я поняла, каким образом мы срезали путь и снова очутились на берегу моря, выбравшись к проливу Солент между Нью-Форест и островом Уайт. Здесь землю обрабатывали. Мы снова оказались между огороженными полями.

Гринуэй поднял хлыст и показал:

– Вон он, «Прибрежный»!

Глава 5

Элизабет Мартин

Я удивилась, когда Гринуэй сообщил, что мы приехали, потому что не заметила поблизости ни деревни, ни вообще жилых строений. Более того, «срезая путь» по предложению Гринуэя, мы не встретили признаков человеческого жилья.

«Прибрежный» стоял в относительном уединении, впрочем, неподалеку виднелся еще один изгиб дороги, за которым могли скрываться другие постройки. Усадьбу окружала высокая живая изгородь из лавра, чьи листья блестели на солнце. Подъехав к открытым воротам, мы увидели за изгородью красивый парк: лужайки с кустами рододендронов, фигурно подстриженные деревья. Сам дом оказался сложен из непривлекательного желтого кирпича; он не производил впечатления старинного. Я решила, что «Прибрежному» лет пятьдесят, не больше. Судя по всему, его строили в период увлечения готикой. Стрельчатые окна напоминали церковные, а по углам крыши высились неровные башенки. Из-за странной причуды архитектора весь дом на уровне второго этажа был опоясан своеобразным узором из красного и черного кирпича. «Прибрежный» показался мне одновременно уродливым и самоуверенным. Странное убежище для двух старых дев. Неужели им здесь не одиноко?

И все-таки чем-то «Прибрежный» мне понравился, чего нельзя сказать о докторе Лефевре.

– Ужас какой! – пробормотал он себе под нос, но я его услышала.

Гринуэй остановился у внушительного парадного крыльца, высадил нас, спустил на землю наш багаж и тут же уехал – как я поняла, на конюшню. Лошадка, почуяв впереди еду и отдых, пустилась легким галопом, а Гринуэй, предвкушавший примерно то же самое, не сдерживал ее.

– Ужас какой! – снова пробормотал доктор.

Наш приезд не остался незамеченным. В дверном проеме возникла суровая и властная особа среднего возраста, в черном бомбазиновом платье. На груди ее были приколоты часы на цепочке. Я поняла, что перед нами, скорее всего, экономка.

– Добро пожаловать, доктор, – негромко проговорила особа, – хозяйки вас ждут. – Она покосилась на меня и добавила: – И мисс Мартин тоже.

Она сразу указывала мне мое место в возглавляемом ею хозяйстве. Доктор Лефевр – гость, я же – всего лишь платная компаньонка, хотя мне предстоит сидеть с хозяевами за одним столом. Слуги всегда считают, будто компаньонки «задирают нос». Драконию в черном платье мгновенно провела незримую черту, через которую я не должна была переступить. Возможно, другая девушка, более ранимая и хрупкая, испугалась бы такого приема. Но я сделана из более прочного материала.

– Да! – весело согласилась я. – Я буду компаньонкой миссис Крейвен.

– Вот именно, мисс, – с кислым видом подтвердила экономка. Она посторонилась, давая нам пройти. – Сэр, позвольте ваши цилиндр и трость.

Доктор покорно вручил ей свои вещи. Экономка положила их на большой, отполированный до блеска стол, на котором помещались всевозможные полезные предметы. Я заметила ящик для писем, серебряный поднос и восточный нож с резной рукояткой и странным изогнутым лезвием.

– Будьте добры, следуйте за мной. Я представлю вас хозяйкам. – Экономка не позволила нам медлить.

Она лишь слегка выделила интонацией последнее слово, намекая на то, что я-то – никакая не «хозяйка». По пути нас дважды принимали за путешествующих господ, и неожиданное понижение в статусе я нашла даже забавным. Покосившись на доктора Лефевра, я увидела, что он едва заметно улыбается, и угадала, что он тоже все подметил. Похоже, доктор ничего не пропускает.

Странный человек, подумала я; интересно, зачем его пригласили сюда?

Экономка провела нас в просторную гостиную, обставленную хорошей, добротной мебелью, в основном полувековой давности или еще старше. Судя по стилю, мебель сработали в начала века, при жизни короля Георга, который беседовал с деревьями в Виндзорском парке, пока его толстяк сын с нетерпением дожидался своей очереди на престол. Я не заметила нигде ни пылинки; все вещи отлично сочеталось друг с другом. Наверное, обстановку покупали целиком и все сразу расставили по местам. Скорее всего, подумалось мне, теперешние владельцы получили мебель в наследство. Новыми модами сестры Роуч вряд ли интересуются. Они хранят уважение к выбору своих родителей, которые создавали интерьер полвека назад... а может быть, просто спуются.

Готические окна выходили на ровную лужайку, на которой росли фигурно подстриженные деревья. Вдали поблескивали темно-зеленые листья лавра. За живой изгородью я увидела галечный пляж, а еще дальше – море. Я не сумела подавить восторженный вздох. На поверхности воды плясали солнечные зайчики. Теперь я поняла, почему уединенный загородный дом выстроили именно здесь. Какой вид! С большим трудом я заставила себя оторваться от окна и повернуться к хозяйкам дома.

Можно себе представить, как мне не терпелось увидеть миссис Крейвен, но ее в комнате не было. Нас встретили две дамы, в которых я сразу признала сестер. Казалось, они всегда находились здесь, подобно мебели, и никогда не разлучались. Хотя сестры и носили кринолины, по современной моде, они, как и мебель, принадлежали другой эпохе.

Обе выглядели моложе своего брата, мистера Роуча, но фигуры у всех были очень схожи. Как и мистер Роуч, сестры были ширококостными, хотя и худощавыми. С первого взгляда они могли сойти и за близнецов, так как носили платья из одинаковой ткани, шерстяной, в зеленовато-коричневую клетку. У обеих сидящие волосы были разделены посередине пробором и на макушке собраны в пучок, увенчанный сооружением из лент и кружев, изображающим чепец. И все же одна сестра была немного старше другой; присмотревшись, я разглядела в их внешности существенные отличия.

У старшей сестры лицо было круглое, подбородок скошенный, а ее прямой, выдающийся вперед нос придавал ей сходство с резными фигурами, какие украшают старинные корабли. Подобно тому как волны расступались перед деревянным носом судна, воля этой пожилой дамы способна была подавить любое сопротивление. Она сидела в кресле с совершенно прямой спиной, сложив руки на коленях. Нас она окинула внимательным, оценивающим взглядом, хотя на ее лице не дрогнул ни один мускул. Когда она посмотрела на меня, мне показалось, что в ее глазах вспыхнули огоньки. Несмотря на ее выдержку и идеальную осанку, она как будто заранее предчувствовала, что мы с ней не сойдемся во взглядах.

Младшая сестра обладала большим квадратным подбородком; над ее ушами кудрявились два фальшивых локона, наверное призванные придать ее лицу хоть немного женственности. Кроме того, она приколотла к платью камею, в то время как ее сестра украсила свое платье кружевным воротничком. Выражение лица младшей сестры казалось мягким и даже робким по сравнению с очень прямым, напористым взглядом старшей.

Они, конечно, прожили вместе всю жизнь. Такие сестры жили и в моем родном городке; они так срослись со своими привычками, что трудно было представить одну без другой. Ну а одинаковые платья... Возможно, брат присылает им со склада ткань штуками? Во всяком случае, самим сестрам явно не казалось странным то, что они одинаково одеты. Возможно,

платья даже усиливали их чувство единения. Вот мне бы не понравилось, если бы еще кто-то, находящийся в одной комнате со мной, выглядел так же, как и я.

Видимо, непосредственно перед нашим приходом сестры играли в шахматы. Между ними стоял шахматный столик с инкрустацией маркетри. Грозная экономка, не дожидаясь просьбы, плавно подняла столик вместе со стоящими на нем фигурами и отставила его к стене. Я заметила, что ни одна фигура не сместилась со своей позиции.

Наконец старшая сестра нарушила молчание:

– Спасибо, Уильямс. Сейчас мы выпьем чаю. Пожалуйста, спросите миссис Крейвен, присоединится ли она к нам... – Дождавшись, когда экономка выйдет, она обратилась к нам: – Я мисс Роуч. – Она подтвердила свое старшинство старомодной манерой называться. – Это моя сестра Фиби. Прошу вас, садитесь.

– Очень рад с вами познакомиться. – Доктор Лефевр вежливо поклонился. Если ему и показалось странным или неучтивым то, что нас заставили долго стоять под оценивающим взглядом хозяйки, он не подал виду.

– Здравствуйте, – сказала и я, решив все же ответить на столь холодное приветствие.

– Вы благополучно доехали? – по-прежнему бесстрастно осведомилась мисс Роуч.

– Вполне благополучно, – ответил доктор Лефевр. – Поездка оказалась весьма интересной и поучительной.

– Да, в самом деле, – вмешалась я. Если они заранее сочли меня серой мышкой, которая редко позволяет себе что-то пропищать, лучше пусть сразу узнают, что я не такая. – Мне очень понравилась поездка на пароме. Раньше я никогда еще не путешествовала по воде.

– В самом деле? – Мисс Роуч едва заметно дернула бровью.

– А здешние пейзажи, – быстро продолжал доктор, отвлекая внимание мисс Роуч на себя, – в самом деле радуют глаз. Природа здесь дикая, и, хотя ее не назовешь красивой в общепринятом смысле слова, она весьма любопытна. Кстати, на вересковой пустоши, неподалеку от вас, у нас состоялась странная встреча. Мы обогнали одного малого с женой; по словам вашего Гринуэя, это странствующий крысолов.

– Бреннан? – резко переспросила мисс Роуч. – Значит, он вернулся?

– Не нравится он мне, – испуганно добавила мисс Фиби, впервые вступая в разговор. – Он меня пугает.

– Чушь, Фиби, – возразила сестра, не глядя на нее. – Он неизменно вежлив.

– Ты всегда так говоришь, Кристина. Но он приносит с собой несчастье.

– Не говори глупостей, Фиби, – сухо отрезала мисс Роуч. Она наконец повернула голову к сестре, но только для того, чтобы упрекнуть ее: – Ты слушаешь деревенские сплетни!

Фиби не сдавалась, поддержав свой довод словами:

– Последний раз, когда он был здесь, одна из его ужасных собачонок убила кухонного кота.

– Значит, кухарке нужно было держать кота взаперти, пока Бреннан не уйдет. Как бы там ни было, он опять нам нужен. Надо сказать Гринуэю, пусть попросит его зайти. Где-то здесь бегают крысы. За последнее время я видела ее дважды. – Она обвела рукой комнату, в которой мы находились.

– Я не заметила никакой крысы, – встревожилась мисс Фиби.

– Потому что ты вечно сидишь, зарывшись носом в книгу. В последний раз крыса объявилась среди бела дня. Я видела ее вон там. – Кристина Роуч уверенно ткнула пальцем в дальний угол.

Мы все взволнованно посмотрели туда, куда она указывала. Что там под креслом? Неужели оно шевелится?

– Она выбежала в холл, – продолжала мисс Роуч. – Но наверняка еще где-то здесь. Бреннан ее выкурит.

– А нельзя ли попросить кухарку, как обычно, рассыпать мышьяк? – спросила мисс Фиби, в отчаянии взмахивая руками. – Неужели обязательно звать Бреннана?

– Нет-нет, у крысы где-то здесь гнездо, скорее всего за плинтусом. Нельзя расставлять блюда с мышьяком в гостиной или столовой. Если не хочешь встречаться с крысоловом, Фиби, просто не спускайся вниз, когда он придет.

К счастью, принесли чай, и про крыс говорить перестали. Чай подавала не экономка Уильямс, а пожилая горничная. Не успела горничная уйти, как дверь снова открылась. Доктор Лефевр поспешно встал. К нам спустилась Люси Крейвен.

Хотя мне говорили, что миссис Крейвен молода, но я не представляла себе насколько; должна признаться, ее юность меня поразила. Она выглядела совсем ребенком, лет семнадцати, не старше, и была очень хорошенькой – точнее, была бы, если бы ее личико стало поживее. Оно еще сохраняло детскую пухлость; подбородок округлый, губки полные, носик вздернутый. На ее лице выделялись большие синие глаза с фиалковым оттенком, окаймленные темными ресницами. Она надела простое платье в лиловую полоску, которое шло ее глазам. Светлые волосы были заплетены в длинную косу, уложенную пучком на затылке. Люси Крейвен была очень бледна. Я не заметила на ней никаких украшений, кроме обручального кольца; ни кружев, ни лент. Она производила впечатление фарфоровой куклы.

«Да ведь она почти школьница – во всяком случае, выглядит так!» – ошеломленно подытожила я.

– Ваш покорный слуга, мадам, – сказал доктор Лефевр, кланяясь ей.

Лицо девушки, точнее синие глаза, оживилось. В них проступила такая враждебность, что мне стало нехорошо. Впрочем, огонь в глазах мелькнул и сразу потух; глаза снова стали невыразительными, как у куклы. В ответ на приветствие доктора Люси просто кивнула.

Немного зная доктора, я не сомневалась, что враждебность Люси Крейвен от него не ускользнула. Возможно, Люси просто надоели врачи. И все же... с чего вдруг такая искренняя ненависть по отношению к совершенно незнакомому человеку?

– И мисс Мартин, – сказала мисс Роуч, жестом указывая на меня.

– Очень рада с вами познакомиться, – как можно сердечнее произнесла я.

Люси Крейвен перевела взгляд; мне показалось, что сейчас на ее лице снова появится прежняя враждебность. Но она молча кивнула, как до того доктору Лефевру.

За столом царил такая неестественная атмосфера, что я не могла дожидаться, когда же чаепитие закончится. К счастью, доктор Лефевр оказался мастером светской беседы; в основном разговаривали они с мисс Роуч. Мисс Фиби все больше молчала и смотрела в свою чашку. Может быть, думала о крысе. Я тоже редко подавала реплики. Люси Крейвен вообще ничего не говорила, разве что сдавленным детским голоском отказалась от куска кекса.

Я испытала облегчение, когда мисс Роуч поставила чашку и обратилась ко мне:

– Мисс Мартин, вы, наверное, хотите осмотреть свою комнату. Ваш багаж уже отнесли туда. Люси, пожалуйста, покажи мисс Мартин, где она будет жить.

Люси молча встала. Я вышла следом за ней. Мы поднялись по широкой парадной лестнице и зашагали по коридору второго этажа, по-прежнему не обменявшись ни словом. Наконец, мы подошли к комнате в дальнем конце. Люси толкнула дверь, и мы вошли.

Комната оказалась маленькой, квадратной, но обставлена она была со вкусом. Я подумала: хорошо, что мне будет здесь удобно хотя бы в одном отношении; кроме того, окна выходили на море.

Не в силах ждать, я подбежала к окну и распахнула его, чтобы взглянуть на пенящиеся волны. Вдали я увидела две яхты под белыми парусами; они как будто плыли наперегонки, подсвеченные солнцем, и, казалось, светились в розовой дымке. Еще дальше заметны были очертания острова Уайт. Теплый ветерок приятно ласкал лицо. После лондонских миазмов здешний воздух был таким приятным, что хотелось его пить, вдыхать полной грудью.

Я повернулась к Люси и воскликнула:

– Вы не представляете, до чего я взволнована! Вы живете у моря и, наверное, почти не замечаете его, но я из Дербишира, из шахтерского городка, где воздух напитан угольной пылью. Кроме него, я жила только в Лондоне и дышала туманами и дымом...

Люси стояла посреди комнаты и следила за мной. Вероятно, мое воодушевление нашло в ней отклик, она заговорила, причем ее тон словно вызывал меня на спор:

– Нас с вами услали из гостинной, чтобы они могли обсудить меня с тем доктором.

– Мы с доктором Лефевром только приехали сюда вместе, – сказала я. – До сегодняшнего дня мы не были знакомы.

Не знаю, почему у меня вырвались эти слова. Наверное, показалось, что Люси считает, будто мы с доктором заодно. Мне хотелось сразу дать ей понять, что я от него не завишу.

Девушка пожала худенькими плечами:

– Он приехал шпионить за мной – как и вы, мисс Мартин. – Она бросила на меня понимающий, насмешливый взгляд, и ее полные губы скривились в циничной улыбке, которая совершенно ей не шла.

На миг она стала казаться старше своих лет; эффект получился неприятный. Вспомнились уличные дети, которых я встречала в лондонских закоулках. Угрюмые личики противоречили их нежному возрасту. Иногда я видела совсем юных девочек, разодетых в кричащие наряды; вечерами они разгуливали по тротуарам, предлагая прохожим свои незрелые прелестьи, и в их глазах отражалась потеря невинности и всякой надежды.

Я поняла, что должна немедленно взять бразды правления в свои руки, иначе мы так ни до чего и не договоримся.

– Во-первых, – сказала я, – пожалуйста, зовите меня Элизабет или Лиззи, если вам угодно. Если вы не против, я бы с удовольствием называла вас Люси. Во-вторых, я определенно приехала сюда не для того, чтобы, как вы выразились, «шпионить» за вами. – Я глубоко вздохнула и продолжала: – Люси, я, конечно, понимаю, что вы пережили тяжкую потерю...

Выражение ее лица снова изменилось. Она так разъярилась, что я поспешила продолжить:

– Я в самом деле искренне сочувствую... вашему теперешнему состоянию. Надеюсь, мы с вами все же подружимся, и я смогу по крайней мере предложить вам утешение и поддержку. Меня пригласили сюда только для того, чтобы я стала вашей компаньонкой. Навыками сиделки я не обладаю, а быть тюремщицей не испытываю никакой склонности... Так что, поверьте, я не намерена за вами следить.

Произнося эти слова, я невольно подумала: был ли у Люси в жизни хоть один настоящий друг, или понятие дружбы ей совершенно неведомо? Похоже, мои слова не произвели на нее никакого впечатления.

– Зато доктор точно приехал, чтобы следить за мной, – досадливо повторила она, как будто беседовала с недалекой, туповатой особой.

– Не за вами, Люси, а за вашим состоянием – по просьбе вашего дядюшки, – возразила я. – Он сам мне говорил. Ваш дядюшка не может приехать сюда из-за занятости. Он попросил Лефевра рассказать, как вы себя чувствуете и, возможно, доложить ему о том, подхожу ли вам я. По дороге доктор специально подчеркнул, что приехал не для того, чтобы вас лечить.

Я пыталась говорить уверенно, но меня кольнуло сомнение. Похоже, Люси нисколько не сомневалась в моем соучастии! Может быть, Бен прав? Мной мало-помалу овладевало ужасное чувство. Меня каким-то образом обманывают.

Она раздраженно выдохнула и пылко покачала головой, отменяя мои слова.

– Он врет! – сказала она тоном, исключаям всякие сомнения.

– Зато я не вру! – довольно резко парировала я.

Может быть, суровость моего тона дошла до нее, и она посмотрела мне в глаза:

– Откуда мне знать, что вы говорите правду и на самом деле не его помощница? – Она пытливо заглянула мне в лицо.

Ее слова и взгляд вызвали у меня досаду. Мне показалось, что не будет большого вреда, если я прямо скажу ей об этом.

– Вы меня оскорбили. Я не склонна лгать и приехала сюда без какого бы то ни было тайного умысла. Скоро вы узнаете, что я говорю то, что думаю; иногда даже то, чего не следует. Но уж коварной меня никак нельзя назвать!

Мне показалось, что Люси смутилась. Ее бледное лицо едва заметно порозовело.

– Простите, – буркнула она. – Но если вы в самом деле до сегодняшнего дня не были знакомы с ним... с доктором... – Она замолчала, ожидая подтверждения, в ее глазах больше не было враждебности, только беспокойство.

– Нет, – решительно ответила я. – Я даже не знала о его существовании, хотя его пригласили сюда одновременно со мной. И в одно с ним купе в поезде я села только потому, что купе для дам оказалось занятым. Я читала письмо мисс Роуч; он узнал ее почерк и заговорил со мной. Я очень удивилась.

– Что ж, тогда вы, наверное, не знаете, что он за доктор, – заметила Люси.

Меня охватила дрожь; как будто дохнуло холодом. Но, может быть, это был всего лишь сквозняк из-за открытого окна.

– Нет, – призналась я, – он не сказал. Я сообщила, что мой покойный отец был врачом, но о своей специальности он мне так и не сказал. Судя по всему, дела у него идут неплохо.

Люси хрипло хохотнула:

– Да уж, неплохо! Наша семья занимается шелком и чаем. А доктор Лефевр интересуется... точнее, занимается безумием. Он психиатр.

Я ахнула:

– Вы уверены?

– О да. Он приехал, чтобы определить, сумасшедшая я или нет.

Сестры Роуч ужинали в семь. Меня до глубины души потрясло то, что сказала Люси. Но времени обдумать ее слова не было, как не было времени и на то, чтобы начать письмо Бену Россу и сообщить о моем благополучном прибытии. Я знала, что не имею права опаздывать вниз. На мое опоздание косо посмотрят. Я решила надеть серое шелковое платье, которое купила, когда носила полутраур по отцу. Вряд ли такое платье заставит мисс Роуч дернуть бровью – я уже подметила, что этот жест означал неодобрение. Отчего-то мне показалось, что я часто буду видеть этот жест во время своего пребывания в «Прибрежном».

Хозяйки дома тоже переоделись к ужину. И на этот раз их платья были сшиты из одной ткани: из очень дорогой темно-синей муаровой тафты. Фиби, судя по всему, обладала большей смелостью в выборе фасона. У ее платья по подолу шли оборки; более мелкие оборки украшали лиф. Кристина сшила себе платье попроще, с рядом мелких пуговиц на лифе, обтянутых тем же материалом. Очень грустно, что красивые платья совершенно не шли своим некрасивым обладательницам и не подходили унылому окружению. Может быть, желание нарядиться вызвано тем, что за столом присутствует джентльмен? Вряд ли они так разоделись из-за меня.

Ужин оказался довольно простым, но вкусным. За столом велась вежливая беседа; спорных тем всячески избегали. Люси очень шло ее бледно-розовое платье; однако она выглядела подавленной и в разговоре участия не принимала. Я заметила, что она все время украдкой поглядывает на доктора, но, если тот оборачивался и заговаривал с ней, она тут же опускала глаза и что-то односложно мямлила. Она больше, чем раньше, показалась мне ребенком: девочкой, которую насильно втолкнули во враждебный мир взрослых, почти не готовая к жизни, и которая совершенно не умела себя вести. Интересно, в какой семье она росла и кто занимался ее воспитанием? Неужели тетки Роуч? Училась ли она в пансионе? Кто ее родители? О них в

разговоре не упоминалось. Я решила, что постараюсь все выяснить у самой Люси. Правда, от меня потребуется большой такт... Увы, тактичность – не моя сильная сторона; подобно бедной Люси, я чувствовала, что дрейфую в неизвестных водах.

После ужина мы, дамы, удалились в гостиную, оставив доктора Лефевра в одиночестве роскошной столовой с графином портвейна. Мисс Роуч вышла первой, за ней следовала сестра (их платья из тафты сильно шуршали). За ними шли мы с Люси.

Люси негромко и презрительно буркнула:

– Я замужняя дама, и я должна идти первой!

Она как будто говорила сама с собой, поэтому я не сочла нужным ответить. Нужно обладать большой смелостью, чтобы обсуждать щекотливые вопросы этикета с грозной мисс Роуч! Глядя в спину сестрам, я поняла, что обе они на добрую голову выше меня. Интересно, как они выглядели в возрасте Люси? Наверное, совсем не были похожи на свою юную племянницу!

– Скажите, мисс Мартин, – неожиданно обратилась ко мне мисс Роуч, когда мы устроились в гостиной, – каковы были ваши обязанности на прежнем месте?

– Я читала своей хозяйке, писала за нее письма, играла в вист, если не хватало четвертого игрока, – ответила я. – Иногда сопровождала ее, когда она ездила в гости.

– Вист? – Мисс Роуч снова дернула бровями. – Мы с сестрой в карты не играем. Вредное занятие, которое ни к чему хорошему не ведет!

Я посмотрела на шахматный столик, где по-прежнему стояли фигуры в неоконченной партии.

– К сожалению, играть в шахматы я не умею, – кратко ответила я.

– Ничего страшного, – сказала мисс Роуч. – Люси тоже не играет. Наш врач, доктор Бертон, посоветовал Люси больше гулять на свежем воздухе. Может быть, завтра утром вы с ней погуляете.

Все это произносилось в присутствии Люси, словно в комнате ее не было. Я едва не вспыхнула от смущения. Неужели в этом доме привыкли говорить о Люси так, будто она глухонемая или просто не в состоянии выразить свое мнение?

– Если того пожелает миссис Крейвен. – Я повернулась к Люси, надеясь, что не слишком задела мисс Роуч: – Миссис Крейвен, вы хотите завтра погулять? Мне не терпится обследовать окрестности. Может быть, вы согласитесь стать моим гидом?

– Конечно, – ответила Люси без всякого выражения. Но она бросила на меня мимолетный взгляд, в котором я заметила искру признательности.

Неожиданно подала голос мисс Фиби:

– Как приятно, что у милой Люси будет молодая спутница! – Она улыбнулась нам.

Мисс Роуч поджала губы и посмотрела на меня в упор:

– Мисс Мартин, наша семья очень почтенная и старинная. Наши предки переехали в Англию из Франции в то время, когда там жестоко преследовали протестантов. Раньше они жили в Ла-Рошели и занимали важные посты... Нашими лозунгами всегда были трезвость и усердие. – Мисс Роуч указала на потемневшую картину маслом, висевшую над камином. На ней был изображен мужчина в длинном парике и кружевном воротнике. Фон от старости и грязи казался совсем темным. – Человека, которого вы видите, звали Жан Рош; приехав в Англию, он стал называться Джоном Роучем. Его портрет написал сам сэр Питер Лели.¹ – Голос мисс Роуч зазвенел от гордости.

– Вот как, мэм, – вежливо ответила я.

Я не очень разбираюсь в искусстве, но мне портрет предка не показался шедевром. Может быть, все дело в грязи, которая скрыла самые изящные фрагменты? Впрочем, от меня не

¹ Лели Питер – английский живописец голландского происхождения (1618–1680), ведущий английский портретист XVII в. (Здесь и далее примеч. пер., кроме примеч. авт.)

укрылся довольно распутный взгляд предка мисс Роуч; вряд ли такой взгляд приличествовал работающему и богобоязненному торговцу шелком. И все же я изобразила благоговение, понимая, что именно этого от меня ждут хозяйки дома.

– Поэтому, – продолжала мисс Роуч, довольная произведенным на меня впечатлением, – я не хочу, чтобы вы и моя племянница напрасно тратили время на досужие разговоры. Может быть, вы вместе будете читать какую-нибудь поучительную книгу.

Я едва не выпалила, что приехала сюда не для того, чтобы быть гувернанткой, но вовремя осеклась. Люси так молода. Брак и материнство, скорее всего, положили конец ее образованию. Может быть, тетке кажется, что отчасти в этом и заключается трудность и, если Люси найдет себе новые занятия, ее настроение улучшится. Так можно было наилучшим образом истолковать слова мисс Роуч. И все же я постепенно начинала понимать, зачем мистер Чарлз Роуч прислал меня в «Прибрежный». Что бы там ни происходило с Люси, сестры Роуч едва ли сумеют с ней справиться.

Доктор Лефевр вновь присоединился к нам; я от всего сердца ему обрадовалась. Он умел поддерживать разговор с дамами, не касаясь ненужных тем. Ему тоже в свой черед показали портрет кисти сэра Питера Лели. Доктор приложил руку ко рту и заметил:

– Мадам, вам очень повезло.

Затем нам поведали историю семейства Роуч, поколение за поколением. По словам мисс Роуч, все их предки были в высшей степени неподкупными и богобоязненными людьми. Превыше всего они ценили свою протестантскую веру, семейную честь и доброе имя, а также успех своего предприятия. Мисс Кристина и мисс Фиби казались достойными потомками своих богобоязненных, но лишенных чувства юмора предков. Я снова покосилась на портрет джентльмена над камином. Наверное, из-за усталости мне показалось, что его распутный глаз мне подмигнул. Как будто советовал мне не слишком-то верить всему, что здесь говорят.

Ровно в половине десятого мисс Роуч встала; следом за ней поднялась ее сестра.

– Мы рано ложимся спать. Разумеется, к вам, доктор Лефевр, это не относится.

Из этих слов следовало, что мы с Люси также обязаны ложиться рано.

– Я, наверное, прогуляюсь перед сном по парку, – сказал доктор. – Может быть, даже выйду на пляж.

– Как хотите, – сухо ответила мисс Роуч.

На самом деле я вовсе не жалела о том, что меня посылают спать. День выдался длинным и трудным, и глаза у меня слипались. Вошла Уильямс с подносом, на котором стояли свечи. Газа в «Прибрежном» не было; внизу вечером зажигали керосиновые лампы. Похоже, в спальне придется обходиться свечкой... Каждому выдали по одной.

Поднявшись на второй этаж, сестры Роуч повернули налево. Мы с Люси повернули направо и пожелали друг другу спокойной ночи у ее двери, расположенной рядом с моей. Я невольно подумала, что меня сослали в детскую. Я не знала, где поместили доктора Лефевра, но была уверена, что в левом крыле, чтобы мисс Роуч могла слышать, когда он приходит и уходит. Судя по всему, доктор холост; в столь почтенном доме холостяка не поселят рядом с незамужней девицей вроде меня или хорошенькой замужней дамой, чей супруг надолго уехал в Китай.

На столе в углу моей комнаты стоял бювар розового дерева, инкрустированный слоновой костью. Увидев его, я вспомнила, что обещала написать Бену, как только приеду на место. Махнув рукой на усталость, я раскрыла бювар, где нашла хорошую бумагу, перья и чернила в чернильнице с серебряной крышкой. В самом деле богатый дом! Даже в спальне для гостей поставили хороший бювар на тот случай, если гостю захочется написать личное письмо.

Сидя при свече, я приступила к описанию своего путешествия. Упомянула знакомство с Лефевром в поезде и поездку на пароме. Затем, боясь, что Бен сочтет это описанием природы и разозлится, я поспешила добавить, что познакомилась с сестрами Роуч, которые держались

довольно официально и холодно. Кроме того, меня представили миссис Крейвен, но у меня почти не было времени на разговоры с ней... Поразило, насколько она юная...

Я решила пока не писать Бену о предположении Люси, будто Лефевр – психиатр. Мне бы хотелось, чтобы это подтвердил кто-нибудь еще, предпочтительно он сам.

Перечитав письмо, я вдруг сообразила, что доктор Лефевр играет в нем довольно большую роль. Но здесь ничего не поделаешь. Свеча стала коптить; я заметила, что она почти догорела. Кроме того, у меня устали глаза. Я с грустью заметила, как слова мои расползаются на всю страницу. Я обещала написать еще, как только смогу, подписалась, нашла в ящике небольшую палочку воска и запечатала письмо. Кладя воск на место, я увидела, что он украшен зловещим китайским драконом. Наверное, бювар изготовили на Дальнем Востоке – там, где Роучи сколотили себе состояние... Письмо я положила на туалетный стол. Утром надо будет снести его вниз и положить в ящик для писем, который я заметила на столе в холле.

Усталая, я с трудом переоделась в ночную сорочку. В комнате было очень тепло и душно. Раздевшись, я задула огарок свечи, подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы и раскрыла створки. Я решила, что прохладный ночной воздух поможет мне легче уснуть, а утреннее солнце меня разбудит.

Тот же мягкий морской бриз коснулся моего лица, но теперь он был значительно прохладнее, и я слышала, как вдали, набегая на берег, плещутся волны. Парк внизу словно покрылся черными и серебряными узорами из-за лунного света и теней, которые отбрасывали фигурно подстриженные деревья, кусты рододендронов и живая изгородь. Вдруг я уловила какое-то движение; в темноте мелькнула красная точка. Я насторожилась. Красная точка двигалась туда-сюда и в конце концов, описав дугу в воздухе, упала на землю и погасла. Доктор Лефевр завершил свою вечернюю прогулку сигаретой. Наверное, он уже довольно давно гуляет. Интересно, куда он ходил при луне и добрался ли до галечного пляжа?

Отойдя от окна, я поставила свои грубые башмаки на шнуровке на ковер в изголовье кровати на тот случай, если крыса посмеет явиться сюда и понадобится чем-нибудь в нее швырнуть. Потом я легла в постель и сразу уснула.

Странно, но, когда засыпаешь вот так, сразу, иногда так же внезапно и просыпаешься. Меня как будто кто-то толкнул; я резко села в кровати. Меня заполняла беспричинная тревога; сердце часто колотилось в груди, по спине бежали мурашки. Что-то случилось! Я пыталась успокоиться, внушая себе: все дело в том, что я сплю на новом месте. «Полно, полно, Лиззи, возьми себя в руки. Ты не ребенок, чтобы бояться темноты!» – укорила я себя. И все же странное чувство меня не покидало, хотя глаза постепенно привыкали к темноте. Я узнавала знакомые очертания; меня окружали вполне безобидные предметы мебели. Моя нижняя юбка, брошенная на спинку кресла, довольно зловеще отсвечивала в темноте, но не вызывала наклонности подняться и наброситься на меня.

Я откинула одеяло и вылезла из постели. Спичек у меня не было, поэтому я, не зажигая свечу, босиком подошла к окну и высунулась наружу, чтобы посмотреть на парк.

Море шумело как будто громче. Наверное, начинался прилив. Может быть, именно он потревожил мой крепкий сон? Вдруг я услышала другой звук: шепот, за которым последовало басовитое бормотание. Я нахмурилась и высунулась дальше; ветерок стал играть с прядями моих распущенных волос.

В парке по-прежнему сияли серебряные полосы, перемежающиеся черными. Все дышало покоем, только верхушки деревьев покачивались на легком ветерке. Может быть, странный шепот мне только показался? Должно быть, я приняла за шепот шелест волн. Я не жила у моря и не привыкла к его звукам.

И вдруг до меня снова донеслись шепот и бормотание. Там, внизу, кто-то разговаривал, но так тихо, что невозможно было понять, кто говорит – мужчина или женщина.

Интересно, где сейчас доктор Лефевр? Я отбросила со лба непокорные пряди и вгляделась во мрак. К сожалению, невозможно было определить, который час. Как будто в ответ на мою невысказанную просьбу большие часы в холле пробили два. Нет, доктор Лефевр вряд ли станет гулять в парке до середины ночи – разве что он страдает бессонницей. Но, если так, неужели он, будучи врачом, не в состоянии прописать самому себе какое-нибудь снотворное? Может, разбудить прислугу? Вдруг там, внизу, стоят воры и сговариваются, как им проникнуть в дом?

Пока я думала, разговор внизу подошел к концу. Из тени выскользнула фигура и направилась к дому; она быстро скрылась из вида, и я не успела разглядеть, вошла ли она или повернула за угол. Невозможно было определить, какого она пола, настолько плотно она была закутана.

Второй участник беседы по-прежнему оставался внизу; я уловила едва заметное движение и инстинктивно отпрянула, чтобы, если он или она поднимет голову, меня не было видно. Тот, кто находился внизу, держался в тени и не шел к дому. Я скорее почувствовала, чем увидела, как человек прошел мимо моей комнаты и удалился.

Затем, когда я уже собиралась покинуть свой наблюдательный пункт у окна, еще какое-то движение внизу приковало мое внимание. Прямо под моим окном пробежало что-то маленькое и белое. Я почти не сомневалась, что видела терьера крысолова.

Глава 6

Элизабет Мартин

На следующее утро я спустилась вниз и, прежде чем пойти в столовую, бросила письмо для Бена в почтовый ящик. За столом я застала одного доктора Лефевра, который заканчивал завтракать.

– Доброе утро, мисс Мартин. Хорошо ли вы спали?

– Очень хорошо, спасибо, – ответила я.

– Ночные гости вас не тревожили?

– Если вы о крысе, – сказала я, – то нет.

– Значит, вас ничто не беспокоило?

Его настойчивость удивила меня; может быть, нужно упомянуть о сцене, свидетельницей которой невольно стала? Но, по правде говоря, почти ничего разглядеть не удалось, только слышались голоса. Кроме того, мне показалось, что я узнала собаку. Благоразумнее будет промолчать.

– Нет, совершенно ничего, – решительно ответила я.

– Отлично! – Мне показалось, доктора чрезвычайно порадовало, что ничто не потревожило мой сон.

– А вы? – вежливо спросила я. – Понравилась ли вам вчерашняя прогулка?

– Спасибо, очень понравилась. Я прошелся по парку и спустился к морю. Рекомендую и вам последовать моему примеру. Конечно, при луне я почти ничего не видел, хотя лунный свет создает весьма романтическое настроение. Как красиво блики пляшут на воде! К сожалению, я не художник и не поэт. Да и если вы пройдете той же дорогой, то увидите на том берегу пролива Солент остров Уайт. По-моему, там можно даже различить отдельные здания.

Я обещала позже непременно обследовать берег и спросила, не видел ли он утром хозяек дома.

– Мисс Роуч уже позавтракала и уединилась с миссис Уильямс. Насколько я понимаю, пришел тот малый, Бреннан, и ждет указаний. – Доктор вытер губы, а скомканную салфетку бросил на стол.

– А мисс Фиби? – спросила я.

– Мисс Фиби, кажется, по утрам пьет только кофе с ломтиком хлеба; завтрак ей относят наверх, в ее комнату. Миссис Крейвен я не видел.

– Может быть, она старается держаться от вас подальше, – хладнокровно заметила я, усаживаясь и беря кофейник.

Лефевр откинулся на спинку стула и смерил меня внимательным взглядом:

– Чего ради ей меня сторониться?

– Вчера вы были не до конца откровенны со мной, – сказала я. – По словам миссис Крейвен, вы – врач, который лечит сумасшедших.

– А что такое сумасшествие, мисс Мартин? – Лефевр доброжелательно посмотрел на меня и, увидев, что я замялась, улыбнулся. – Позвольте вам сказать, что болезни рассудка принимают многочисленные формы. Произнесите слово «безумец», и большинство людей представит себе бессвязно лопочущего идиота, обитателя сумасшедшего дома. – Он покачал головой. – Мне доводилось лечить довольно серьезных больных, которые на первый взгляд кажутся такими же здоровыми, как мы с вами, мисс Мартин. Разумеется, если предположить, что мы с вами в самом деле психически здоровы. Отсюда невольно вытекает вопрос: что такое безумие? Или, скорее, что такое душевное здоровье?

Он ненадолго замолчал, заметив смятение на моем лице, отбросил добродушный тон, наклонился вперед и заговорил серьезнее:

– Если я больше ничего не достигну на земле, надеюсь, приближу тот день, когда люди расстанутся с предрассудками в отношении душевных болезней, хотя сейчас этими предрассудками заражены даже образованные классы. Отсюда и нелепое мнение, будто такие болезни в чем-то постыдны. Многие до сих пор скрывают своих душевнобольных родственников или просто отказываются верить, что с ними что-то не так. Меня неоднократно приглашали к таким пациентам, и всякий раз оказывалось, что я пришел слишком поздно. А ведь я мог бы помочь страдальцам, если бы меня только позвали вовремя!

Меня поразила искренность, с какой он говорил. И все же его слова побудили меня заметить:

– Миссис Крейвен считает, что вас пригласили освидетельствовать состояние ее рас- судка. Это правда? Вчера вы говорили, что приехали не для того, чтобы ее лечить.

Лефевр нахмурился и забарабанил пальцами по скатерти, а затем ответил:

– Так и есть. Я приехал лишь для того, чтобы оценить общее положение. Чарлз Роуч очень волнуется за племянницу. Он глава семьи и отвечает за нее, пока ее муж в отъезде. И за сестер тоже.

– Люси Крейвен очень молода, – заметила я. – Вам что-нибудь известно о ее родителях?

– Я знаю лишь, что ее отец был младшим братом сестер Роуч и Чарлза; кажется, его звали Стивеном. Люси – его единственный ребенок. И Стивен, и его жена умерли, когда Люси была совсем маленькой; при каких обстоятельствах они умерли, я не знаю.

– Понятно, – сказала я. – Что ж, доктор Лефевр, я приехала сюда для того, чтобы быть компаньонкой Люси, а не вашей шпионкой и не шпионкой Чарлза Роуча. Мне хотелось бы обговорить это с самого начала.

– Я и не собирался просить вас шпионить для меня, – невозмутимо ответил доктор. – Подобное поведение с моей стороны было бы непростительным. И даже если бы я задался целью сформировать общее мнение о... своем пациенте, я не стал бы прибегать к помощи человека, который столь недавно появился на месте действия.

Меня снова поставили на место.

– Вы человек прямой, – сказала я, отодвигая чашку. – Но я рада, что дело прояснилось. Он улыбнулся:

– Вы, мисс Мартин, тоже выражаетесь без обиняков, чему я искренне рад. Люди, с которыми мне приходится иметь дело, склонны увиливать и изворачиваться. Вот почему я особенно ценю вашу прямооту. Я вовсе не хотел сказать, что мнение ваше для меня не важно. Поверьте, я очень серьезно отнесусь ко всему, что вы сочтете нужным мне рассказать. Но в медицинских вопросах мне нужно принимать решения самому, и прежде чем я их приму, я должен разобраться во всех подробностях дела. – Он подался вперед. – Я, мисс Мартин, разгадываю головоломки!

С этими словами он отодвинул свой стул, поклонился мне и вышел.

Не прошло и пяти минут после его ухода, как дверь в столовую приоткрылась. Обернувшись, я заметила Люси, которая осторожно заглядывала внутрь.

– Он ушел! – крикнула я.

Дверь открылась шире, и она вошла.

– Мне не хотелось с ним встречаться, – вызывающе сказала Люси, глядя на меня в упор, как будто я собиралась упрекнуть ее за опоздание.

– По-моему, доктор это понимает, – ответила я.

Люси пожала плечами и, подойдя к буфету, положила себе в тарелку ломтик холодной говядины. Она устроилась за столом напротив меня. Сегодня она выбрала синее платье. Я предпочла более строгое, коричневое. В конце концов, я всего лишь компаньонка; мисс Роуч навер-

ника не одобрит вольностей в моем гардеробе. Я не собиралась давать ей повода для критики, но все же украсила свой наряд вязаными воротником и манжетами.

– Я слышала, как вы с ним разговаривали, – сказала Люси. – Сидела в малой гостиной, за стеной.

– Вы слышали, что мы говорили?

Она покачала головой:

– Нет, хотя я пыталась; обычно мне хорошо удается разобрать, что говорят другие. Но вы беседовали слишком тихо. Наверное, вы все-таки говорили обо мне. В этом доме все меня обсуждают, стоит мне выйти. Даже когда я сижу рядом, иногда обо мне говорят так, словно меня нет. Вы сами были свидетельницей тому – вчера, после ужина.

– Я сказала Лефевру, что не буду его шпионкой, – сообщила я.

Люси, разрезавшая мясо, вскинула голову и впервые улыбнулась. С ней произошла разительная перемена. Такая красивая и молодая, она пережила настоящую трагедию... Я дала себе слово: пусть даже больше ничего у меня не получится, я постараюсь, чтобы на ее лице чаще появлялась улыбка. Но мне не нужно ничего от нее скрывать, иначе она не будет мне доверять.

– На вопрос о ваших родителях доктор ответил, что вы сирота, – призналась я и сразу же пожалела о своих словах; улыбка на лице девушки увяла; вернулось прежнее мрачное выражение.

– О да, – сказала она. – Они утонули.

– Какой ужас! – вскричала я. – Какая трагедия!

Люси пожала плечами:

– Я их не помню. Они возвращались с Востока. Мой отец поехал туда, чтобы основать чаеоторговую контору. До тех пор все его предки торговали шелком; так было с тех пор, как первый Рош прибыл в Лондон, сменил фамилию на Роуч и открыл лавку на рынке Спитлфилдс. Джон Роуч, о котором рассказывала вам вчера тетя Кристина, был настоящим старым негодяем. В прежние времена шелк на продажу ткали на чердаках торговых домов, работали на ручных станках целыми семьями, трудились даже дети, как только немного подрастали... Но фирма Роуча всегда шла в ногу со временем. Как только на севере Англии открылись шелкоткацкие фабрики с большими станками, дядя Чарлз купил акции предприятий в Макклефилде и Дерби. Лондонские мастерские закрылись, и ткачи, работавшие на ручных станках, остались без средств к существованию. Многие потом попали в работные дома; там им приходилось выполнять такую тяжелую работу, что они навсегда изуродовали пальцы и заниматься шелкоткачеством уже не могли. Но всем Роучам с детства внушают: в деловом мире нет места сентиментальности... как и почти для всего остального!

Люси некоторое время пила чай молча, а потом продолжила:

– Когда мне исполнилось двенадцать лет, дядя Чарлз повез меня с собой на север осматривать одну фабрику. Он решил показать мне достижения современной промышленности... Лиззи, я пришла в ужас. Видели бы вы эти огромные водяные колеса, которые проворачиваются с грохотом и плеском! Нас привели в огромный сарай, полный станков, производящих еще более оглушительный шум. Жара там стояла такая, что мне показалось, будто я вот-вот упаду в обморок. И знаете что? Среди ткачей попадались дети – многие из них были моими ровесниками. Я очень расстроилась и спросила дядю, почему они не в школе. Дядя Чарлз объяснил, что они должны работать, потому что их родители бедны, и им еще повезло, что у них такой хозяин, у которого много рабочих мест. Дядя Чарлз уверял, что самые маленькие работают всего шесть с половиной часов в день, что он тоже называл «достижением». До принятия новых законов малыши работали гораздо дольше. В наши дни дети постарше и женщины трудятся всего десять с половиной часов в день. Такой труд все равно кажется мне варварством, хотя дядя Чарлз говорил о прогрессе и «признаках нашего просвещенного века». Я почти не слушала его; дети, которые стояли за станками, выглядели очень бледными и больными. У нас

на глазах один маленький мальчик заснул прямо на том месте, где он стоял, за станком. Его могло затянуть в механизм, если бы дядя Чарлз вовремя не подбежал к нему и не растолкал. Потом пришел десятник, огромный, дюжий детина, и избил мальчика за то, что тот заснул. После этого дядя Чарлз поспешил меня увести. Он сказал, что я видела достаточно. По-моему, он и сам увидел гораздо больше того, что хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.